

18+

Галина Долгая

Песни бегущей воды

Роман

Галина Долгая

Песни бегущей воды. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25724713

ISBN 9785448565533

Аннотация

Бегущая вода поет вечные песни. Если повезет, то можно услышать рассказы о минувшем: о городах, спящих под курганами, о людях, возводивших эти города, о сокровищах, спрятанных так давно, что никто и не помнит о них, разве что кроме тех, кто прятал...Одинокий старик покидает берега Теплого озера и через горы идет в Страну Плодородных Долин. Дар Тенгри – амулет в виде агатовой лягушки – изменил привычную жизнь и привел странника к обители особо почитаемой богини древнего города Никшапайи.

Содержание

Предисловие автора	5
Пролог	12
Глава 1. Испытание	19
Глава 2. В дороге	45
Глава 3. Уроки пути	70
Глава 4. Караван кушанской принцессы	89
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Песни бегущей воды

Роман

Галина Долгая

*Покинув свой предел, проник я вглубь небесных
высей.*

*Я беспредельности достиг – что мне с пределом
делать?*

Боборахим Машираб

Айгуль Атымтаевна Хакимжанова *Иллюстратор*

© Галина Долгая, 2023

© Айгуль Атымтаевна Хакимжанова, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4485-6553-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

«Азия, Азия, золото, пыль... Время теряется – как река в глотке песка...» Строки из стихотворения ташкентского поэта Михаила Гара создают образ Средней Азии, в которой время течет неспешно, оставляя за собой и золото, и пыль, и прах. Все тонет в «глотке песка», но не пропадает бесследно. В глиняных курганах до поры до времени спят древние города Азии, за стенами которых жизнь замерла, оставив потомкам загадки в виде уникальных находок, настенных росписей, захоронений.

Основным местом действия в романе «Амулет Анахиты» является один из значимых исторических регионов Средней Азии, а именно Нахшаб – область Южного Согда, которая находилась в долине реки Кашкадарья и была одним из центров Великого Шелкового Пути.

Страна Согдиана, или иначе Согд, Сугуд, представляет особый интерес для понимания истории Средней Азии и связи древних стран этого региона с восточными и западными соседями. Эта страна располагалась в долинах рек Зарафшан и Кашкадарья и упоминалась в таких древних книгах, как Авеста, в описаниях греческих историков и китайских купцов, в надписях на Бехистунской скале царя Дария I.

Но, как пишет Р. Х. Сулейманов в своей работе «Нахшаб – тайны забытой цивилизации», «... почти до середины XX ве-

ка ни индивидуального облика искусства, ни особенностей материальной и духовной культуры населения. Тогда наука не знала. Археологические памятники древней согдийской культуры долго оставались почти не изученными. Впервые в науке более или менее всесторонние представления об особенностях культуры античной Согдианы были получены при изучении Еркургана»¹.

Еркурган – это древнее городище, которое находится в семи километрах от современного города Карши. Большой земляной холм по пути в Бухару издавна привлекал внимание путешественников и исследователей, но «». лишь в семидесятых годах двадцатого века специальная экспедиция Института археологии АН Узбекистана начинает целенаправленные раскопки этого древнего города. Особая ценность Еркургана для науки состояла в том, что город, будучи заброшен в VI веке, сохранился как археологический заповедник, и руины его почти не были разрушены до XX века

Раскопки показали, что город, который находился на месте Еркургана, был первым столичным городом Южного Согда, называемого в разное время Никшапайя, Ксениппа или Нахшаб. Он существовал с VI века до н.э., а его руины не уступали по своим масштабам «»! *Балху в древней Бактрии и Сузам в Месопотамии*

Во время археологических раскопок на древнем городи-

¹ Здесь и далее в предисловии приведены отрывки из работы Р. Х. Сулейманова «Нахшаб – тайны забытой цивилизации».

ще Еркурган были найдены уникальные артефакты, сюжетно связанные с древними легендами, передаваемыми в народе из поколения в поколение, и указывающие на широкие культурные связи согдийцев. Это изображения женского божества, отпечаток печати со сценой, где правитель восседает на драконе, гемма-инталия этрусской работы с изображением греческого бога Зевса.

Под кирпичным алтарем в храме Еркургана найдены три небольшие, но ценные фигурки. Это агатовая бусина в виде лягушки, золотой амулет в образе ежа, украшенный вставками из бирюзы и перламутровой раковины-наутилусом, и агатовая фигурка силена – греческого духа реки. Каждый из предметов мог символизировать бога, которому поклонялся тот, кому они принадлежали. Лягушка – спутница богини плодородия и всех вод. Еж, наряду с собакой и выдрой, – священное животное Авесты. Силен – персонаж греческой мифологии, старый сатир, сын Гермеса и нимфы.

В истории древнего города немало тайн. В эпоху распространения зороастризма в Никшапайе одновременно с поклонением огню почитают божество, имеющее отношение к воде. В центре города построен храм, в котором найдены фрагменты скульптуры женского божества, названного археологами Речной богиней.

О ее истинном имени не сохранилось никаких документальных свидетельств. Судя по атрибутике, по находкам на городище Еркурган, в храме, посвященном этой богине,

она вобрала в себя ипостаси нескольких божеств из разных пантеонов богов: Наны – богини плодородия в иранской мифологии; Ардви Суры Анахиты – богини воды и плодородия в зороастризме; Ардохш – кушанской богини, покровительницы царей, дарующей власть и силу; Афродиты – древнегреческой богини любви и красоты, плодородия и вечной жизни, браков и деторождения; Сарасвати – речной богини, «богатой водами», богини мудрости, знаний, красоты в индуизме.

С рекой, но не с земной, а с небесной можно связать и само название исторической области. Топоним «Нахшаб» переводится с согдийского, как «прекрасная ночь» или «хороший вечер». А префикс «ни» в топониме «Никшапайя» указывает направление сверху вниз. Средневековое название реки Кашкадарья – Кашкашон означает небосвод. А если посмотреть на схему реки с ее многочисленными ответвлениями и многими населенными пунктами на их берегах, то невольно возникает картинка ночного неба с широкой полосой Млечного пути и множеством звезд вокруг. Ночное небо в Каршинском оазисе во все времена было прекрасным. Глядя на него, с восторгом подумаешь о том, какую благодать дарит людям природа или боги, чьи имена связаны с ее стихиями – водой, воздухом, землей, огнем.

Более двадцати пяти лет археологи работали на городище Еркурган, но ныне раскопки приостановлены. Дворец, храм, цитадель для сохранности снова укрыты землей, но общий

план городища угадывается даже по отдельно стоящим холмам. Оборонительная стена все еще окружает древний город, и в ее оплывших очертаниях просматриваются проемы ворот, угловые башни.

Все сооружения города описаны в монументальном труде известного археолога Узбекистана Сулейманова Рустама Хамидовича «Древний Нахшаб». Немного фантазии и давно уснувший город оживет, представ перед читателем через восприятие путешественников, впервые прибывших к его воротам, посредством рассказа о жизни и работе местных жителей, как царей, так и простого люда. Как выглядел древний город в период своего расцвета? Какие люди жили за его надежными стенами? Какие чувства владели их умами и сердцами? О многом можно догадаться, увидев дела рук мастеров древнего Нахшаба – те находки, которые сделали археологи на руинах Еркургана. Среди них предметы быта, ювелирные изделия, фигурки божеств, росписи стен храма, дворца, цитадели и многое другое. В дополнении с легендами и сказами, исторический материал обретает более глубокий смысл, а через него более явственной становится жизнь людей далекой эпохи.

«». Археологам, исследующим историю по скудным и обрывочным остаткам материальной культуры древних людей, для реконструкции общей картины культурного развития древних обществ часто приходится пускаться в увлекательные интеллектуальные путешествия и авантюры

во времени и пространстве, сидя в кабинете за книгами. Без подобных теоретических поисков, когда, сравнивая материалы разных эпох и регионов, удается реконструировать недостающие звенья и детали общей картины или по найденной конкретной находке восстановить часть картины культуры, невозможно воссоздание общего процесса исторического и культурного развития исследуемой эпохи

Таким же образом сплетая реалии и легенды в единое повествование, я попыталась воскресить жизнь столичного города Никшапайи, показать красоту и возвышенность не только дел рук человеческих, но и природы, которая сама по себе достойна восхищения и поклонения.

Работая над романом, я обращалась к трудам узбекских археологов и хочу отдельно поблагодарить их за статьи и книги, из которых я почерпнула знания, позволившие мне приблизить описания жизни той эпохи к реальным.

Сердечно благодарю доктора исторических наук, профессора Сулейманова Рустама Хамидовича за консультации и предоставленные книги, за разъяснения по вопросам истории региона и детальные описания находок.

Моя особая благодарность доктору исторических наук, профессору Исхакову Мирсадику Мирсултановичу за консультации по вопросам этимологии согдийского языка, точности топонимики, подбору имен собственных, соответствующих описываемому историческому времени, а именно третьему веку нашей эры.

Благодарю всех своих друзей, которые делились со мной знаниями в области истории, узбекского фольклора, согдийского языка, что позволило не только создать интересный сюжет, но и более полно показать культуру нашего народа, расширить представление о богатом и до сих пор еще загадочном крае, каким является Древний Нахшаб.

Пролог

1973 год, городище Еркурган

Лягушачий хор достиг апофеоза! Перекатывая звуки в луженых глотках, невидимые твари, обитающие в заполненных водой древних оборонительных рвах и водоемах, орали что есть мочи, перекрикивая не только друг друга, но и людей, столпившихся посередине городища, окруженного оплывшей, но все еще мощной стеной.

Горстка парней и девчат в запыленной рабочей одежде столпилась в раскопе над бывшим алтарем храма.

– Что нашли?..

Девушка-археолог подняла руку. На раскрытой ладони лежал камень – не камень даже, камушек! – чуть больше сантиметра в длину. Девушка дунула, и пыль, покрывающая его многие века, разлетелась облачком, обнажив при этом желто-коричневую спинку еще непонятной фигурки.

Снизу из раскопа раздался восторженный крик:

– Здесь еще что-то! Блестит! Кажется, золото...

Лягушки умолкли. Дикае утки с утятами попрятались в прибрежных камышах. На холм, возвышающийся над стеной города в юго-восточной стороне, поднялся старик. Ветер тербил полы его белоснежного халата. Старик оперся на посох и, приложив ладонь ко лбу, всматривался вдаль, словно тоже пытался разглядеть клад, найденный археологами.

– Смотри, – девушка в пестрой косынке толкнула товарища, обращая его внимание на старика.

– А? Что? Старик? – скороговоркой откликнулся тот. – Да он там каждый день сидит, лягушек слушает!

– А сейчас не сидит – стоит!

Девушку словно магнитом притягивал этот старик, проявляющий к раскопкам особое внимание. Многие из жителей окрестных кишлаков приходили посмотреть на работу археологов, но этот старик не был похож на обычных зевак. Каждый день, когда спадала дневная жара, он поднимался на холм, некогда бывший угловой башней стены города. Ныне с него открывался широкий обзор на все городище. Старик не проявлял особого любопытства, просто смотрел, и все. На приветствия отвечал с достоинством аксакала, но не более. Ничего не спрашивал, ничего не говорил. В конце концов все привыкли к его ненавязчивому вниманию и воспринимали как нечто постоянное и неизменное в этом дремлющем царстве истории.

– Ты лучше сюда посмотри! Мы нашли клад!!

Радости ребят не было конца. И вот уже все вместе, склонившись над крохотными фигурками, извлеченными из кладки алтаря храма, они рассматривали миниатюрную лягушку-бусинку, так реалистично вырезанную из агата, что, казалось, она откликнется на зов лягушек из пруда у стены города и спрыгнет с ладони, зычно квакнув впервые за сотни лет.

Смех вызвал такой же агатовый, в бело-коричневых полосах, толстенький человечек, которого мастер изобразил сидящим. Он прикрыл уши ладонями, словно не желая ничего слушать, и разве что не стучал копытцами на своих коротеньких ножках.

Но самой ценной фигуркой из подношений Речной богине оказался золотой еж. Это был амулет! Длинной в три-четыре сантиметра, ночной охотник сидел, поджав лапки и вытянув мордочку. Круглые нашлепки в виде колечек покрывали нижнюю часть его тельца. В некоторых сохранились бирюзовые камешки, будто иглы, а спинка переливалась перламутром раковины-наутилуса – символа творения, удивительной гармонии созданий природы.

Девушка приподнялась на цыпочках, пытаясь рассмотреть находки через головы товарищей, но ничего не увидела. А старик так и стоял на холме!

– Я пойду к нему, – шепнула она парню. – Спрошу, может, надо чего, – и, не дожидаясь ответа, побежала от храма к стене, легко касаясь подошвами кед старой улицы, помнившей размеренные шаги мастеровых, прикосновения босых детских ног, топот копыт.

Лягушки в заводи вновь оживились. Одна подала голос, другая ответила ей, и вечный хор жизни разлетелся по городищу призывными звуками его неизменных солистов.

Старик увидел спешащую к нему девушку и, пока она бежала, наблюдал за ней, прищурившись и поджав губы.

– Здравствуйте, дедушка! – чуть запыхавшись, сказала она, как только приблизилась, но даже ее звонкий голос едва не утонул в лягушачьем хоре.

– Цыц все! – рассердился старик, и лягушки смолкли, недовольно хмыкнув раз, два и вовсе приглушив любимую песню.

– Они вас слушаются! – девушка улыбнулась и спросила: – Не нужна ли вам какая-то помощь?

Старик подозвал ее, махнув рукой, у которой, как показалось, были скрючены пальцы. Девушка не успела разглядеть: рука полностью скрылась за длинным рукавом халата. Да и неудобно глазеть на то, что человек прячет, что, может быть, связано с печальными событиями его жизни.

Девушка подошла и встала рядом.

День радовал самым приятным временем: вечерело. Опускаясь все ниже, солнце забирало с собой жар, которым щедро одаривало все живое с рассвета до заката. Ветер помогал ему – выдувал тепло из-за спящих курганов, испещренных холмиками, словно пупырчатая спинка лягушки; прятал между стеблями камышей в пруду; подхватывал прохладу воды и пригоршнями кидал на землю, охлаждая ее.

– Красота какая! Простор! – восхитилась девушка, и старик довольно кивнул.

– Что нашли? – спросил он, глядя на раскопки.

– Клад нашли! – похвасталась девушка. – Ну, небольшой такой, – смущенно улыбнулась она. – В храме. Золотого ежа

и две агатовые фигурки – силена и...

– ... лягушку, – закончил старик.

– Да-а-а... а откуда вы знаете?..

Старик вздохнул. Молодежь! Как ответить, откуда старики все знают? Жизнь прожить надо, чтобы понять это. Да такую, как он прожил – долгую, такую долгую, что и не рассказать!

– Знаю я, – ответил просто.

Он повернулся к солнцу. Лучик скользнул за вырез рубахи, такой же белой, как и волосы на голове, прикрытой тюбетейкой с бело-черным узором в виде скрученных плодов перчика, хранящем того, кто ее носит, от злых сил. Показалось девушке или нет, но что-то блеснуло из-за ворота рубахи, поиграв светом. «Ква», – послышалось в пруду. Чудно!

– Нашли... – тихо, не для чужих ушей, а сам себе прошептал старик, часто моргая. Это больше по привычке: в его сухих глазах слез давно не осталось. – Посмотреть бы поближе, поддержать... разве они понимают, какой клад нашли?! Не золото ценно, а тепло рук, не камень, а пыль, покрывающая его!

Ночь – нежная и таинственная – укутала Еркурган звездным покрывалом. Вечный живописец, которому подвластны все стихии и судьбы, щедрой рукой раскидал по небу капли серебра. Млечный путь широкой рекой лег от края до края горизонта. Нах-хшаб! Прекрасная ночь! Светлая, сияющая, как и священные воды реки, с незапамятных времен несущей

щей жизнь в долину.

Древний город многие века спит под этим драгоценным покрывалом под нескончаемые песни цикад и журчание воды. Яркие звезды каждую ночь перемигиваются друг с другом. А звездная река течет и течет через столетия бушующего времени, с неизменным безразличием взирая на землю, по которой из века в век ходят люди, оставляя после себя прах и то, что они смогли создать при жизни: храмы и дворцы, картины и скульптуры, украшения и амулеты.

Но есть еще то, что невозможно облечь в нечто осязаемое, что можно увидеть, к чему можно прикоснуться. Это чувства! Во все времена любовь и страсть, нежность и ревность владели сердцами людей и порой толкали их на поступки, способные изменить жизнь.

Старик знал это, как никто другой! В его жизни все уже было – любовь, встречи, расставания, потери... В эту ночь он уснул без сновидений. Духи прошлого дали ему передышку, оставив наедине с самим собой, но ненадолго. Где-то там, в развалинах, еще прячется до поры до времени один камень, ценный не только силой, дарованной богами, но и памятью о давних временах, когда на месте руин старого города возвышались крепкие стены. Когда археологи найдут тот заветный камень, цель его жизни будет достигнута! И что дальше? Дальше будет новый день! А пока река нежно баюкает, напевая вечную песню.

Золото... пыль... Время теряется – как река в глотке пес-

ка...

Глава 1. Испытание

III век, Тенгри-таг ²

Теплое озеро развлекалось, гоняя облака по небу. Не то чтобы ему не нравились белые пушистые клубы влаги, каждый вечер выползающие из-за окрестных хребтов, но ведь собирались они над ним! Облака закрывали небо, с которыми воды озера соперничали в цвете. Белые, серые, лиловые, они не давали солнечным лучам играть в догонялки, проникая вглубь его толстого, тягучего тела. Озеро поднимало верхние воды и волнами гнало непрошенных гостей от одного берега к другому, насколько хватало мощи. Ветер поддевал волну снизу, подбрасывал вверх брызгами, и, поймав лучик света, сияли они на рассвете драгоценными камнями!

В это утро горячее испарение озера сначала растопило облака на юге, как раз там, где на каменистом берегу залива стояла одинокая потрепанная юрта. Целый сноп лучей прорвался в небесную прорешину и устремился вниз к рябым водам. Уже ослабевающие после ночной борьбы, облака поднатужились и поплыли друг к другу, явно намереваясь сомкнуться, но вместо этого они опрокинулись и застыли, будто кто дунул сверху, да с такой силой, что и зимнему ветру не сравниться. Вся природа притихла. Проснувшиеся было

² Небесные горы

птицы смолкли на полужвуке; готовые слететь, желтые листья на деревьях замерли; сурки, только высунув нос, снова спрятались в норах.

Старик вышел из юрты, да так и встал, как вкопанный, и с открытым ртом глазел на чудо, которое – старик и не мог подумать иначе! – сотворил Великий Тенгри. Свет лился с неба потоком. Облака, ставшие пурпурными, сгрудились вокруг небесного ока. Воды Теплого озера впитали радужные цвета и пошли рябью, удивительным образом обходя гладкие как зеркало водяные блюда. В одном таком вдруг золотом вспыхнул большой предмет. Старик пригляделся и... едва не задохнулся! Как рыба он ловил ртом воздух, вместе с тем пытаясь позвать свою старуху, но только хрип вырывался из его горла. Услышав нечто странное, старуха вылезла из-под одеяла и, сунув ноги в ичиги, вышла наружу. И в это же время водяной кулак играючи подтолкнул тот предмет ближе к берегу.³

Увидев жену, вставшую рядом с ним, старик тыкал заско-
рузлым пальцем то на озеро, то в небо и мычал.

– Да вижу я, – отмахнулась она, будто не впервой ей такое зрелище, будто уже видела такое и разве что озадачена.

– Ты, ты... смотри, смотри! – старик дергал ее за шерстяной рукав, и вдруг опустил руки.

Удивление, страх, волнение, восторг – клубок чувств обессилил его. Он только и мог, что смотреть.

³ Тенгри – бог неба у кочевников.

Сверкая так, что слезы побежали из глаз, золотой сундук мягко качался на волнах.

– Утонет... – выдохнула старуха.

– М-м-м, – старик еще не обрел дар речи и только мычал.

Старуха толкнула его в бок, да так сильно, что, тщедушный, он упал, едва успев выставить вперед руки.

– Ты, ты... ты зачем толкаешься?! Гадина ползучая! – речь вернулась и именно такая, какой и была.

Уголок бесцветных губ пополз вверх. Раковины век сомкнулись, но и сквозь узкую щелочку между ними был виден хитрый взгляд.

– Вставай, старый дурень, плыви за сундуком, мычишь тут, как телок, а сундук-то утонет!

Озеро, словно поддакивая, покачало дар небес, дразня и обольщая. Один край сундука хлебнул воды, но, поддев его волной, озеро не дало ему перевернуться. Оно даже подтолкнуло золотую игрушку ближе к берегу. Качаясь на волнах, сундук вдруг открылся. Старики ахнули и упали на колени, спрятав лица за сомкнутыми руками.

Вездесущий ветер поднырнул к самому носу старика, подхватил торопливое бормотание и вместе с песней волн унес его в небо:

То ли молитва пришлась к месту, то ли Тенгри торопился по другим делам, но окно Властителя Небес закрылось, а на востоке поднялось солнце. Теплое озеро оставило на время сундук и, со всей силой обрушившись на надоев-

шие облака, разогнало их по ущельям.

Старики подняли головы. Сундук покачивался на водной глади. Вода плескалась в его бока, изредка попадая внутрь.

Старуха резво вскочила.

– Наберет воды и утонет!

Она заметалась по берегу, вернулась к юрте, обежала ее вокруг и, споткнувшись о деревянное корыто, из которого поили коз, разразилась самой страшной руганью. Старик, согнувшись, как собака перед прыжком, не спуская глаз с корыта, подошел к нему. Перевернул. Старуха замолкла на полуслове и вся подобралась. Старик поднял корыто и потрусил к берегу. Старуха за ним.

Выдолбленное бревно легло на воду выпуклой стороной и закачалось уточкой. Старик скинул обувь и ногой попробовал воду. Холодна! Ой, холодна! Он попятился, но наткнулся на корявые руки старухи. Она подтолкнула его назад, шипя, как змея:

– Потерпишь, не помрешь, до сундука рукой подать! Плы-ви!

– А... нельзя! – старик вывернулся и ухватил ичиги, то-ропясь засунуть в один из них замерзшую ногу.

– Почему нельзя? Кто тебе сказал, что нельзя?

– Нельзя и все тут! – старик топнул обутой ногой. – Сама знаешь: нельзя из озера воду брать, пить, купаться, скот поить! Хочешь на меня гнев Тенгри обрушить?!

Он пошел на старуху, но та была не из пугливых, да и со-

ображала быстро. Руки в боки и тоже на старика идет.

– Тогда зачем он, – кивок ввысь, – сундук в озеро бросил? А? Было бы нельзя, лежал бы сундук здесь, – топнула зло, – тут лежал бы! А он где? А? Раз Тенгри его нам в озеро скинул, значит и тебе в озеро можно!

Старуха выдохнула. А сундук тем временем накренился сильнее и... лег на бок. Прямо на глазах стариков в воду потекла золотая струя. Старуха ахнула. Но сундук выпрямился и, дразня, медленно поплыл прочь от берега.

Страх потерять добро, само упавшее на их головы, подтолкнул старика. Он побежал к воде и плюхнулся в нее, успев одной рукой обхватить свое полубревно.

– Гребь рукой, гребь! – увещевала старуха, и старик погреб.

Вода взяла его в холодные объятия. Сначала она влезла в сапоги, потом пробралась сквозь тонкую ткань штанов, потом подлезла под стеганный халат, влилась внутрь через ворот и потекла ручейками по груди и спине. Старик погреб сильнее, но сундук не приближался. От каждого взмаха руки он удалялся все дальше и дальше. Вода насквозь промочила халат и, миг потяжелевший, он потянул своего хозяина вниз. Старик испугался, завозил ногами, повис на корыте обеими руками. Сундук будто того и ждал: остановился, мерно покачиваясь, на месте.

Старуха металась по берегу, закрыв рот морщинистой рукой. А то отымет ее и приставит ко лбу, прищурится, вгля-

дываясь. Плывет муж! Держится еще... А как сундук-то потащит?.. Ой-е-ей! Надо было хоть веревку взять, хоть крюк какой...

Старик добрался до сундука, развернулся, выписывая кренделя ногами, дотянулся до золотого края и потащил сокровище к себе. Бревно, став скользким, выпрыгнуло из-под стариковой подмышки.

– Держи! – заорала старуха.

Сердце в груди старика заглохло, кровь остановилась, а глаза того и гляди выпрыгнут вслед за бревном. Не отпуская сундука, старик забил рукой по воде, кое-как дотянулся, а оно снова выделяет выкрутасы: перевернулось и качается корытом. Старик сообразил, что так оно и лучше. Висит он в воде, трепыхается птицей, болтая ногами во все стороны, и держится, несмотря на предательский халат! Хорошо, хоть короткий! А то... Дрожь пробрала от таких мыслей, но сундук под рукой шевельнулся и снова все думы о сокровищах! Старик крепче сжал деревянный край, и другой рукой зачерпнул из сундука горсть камней. Плюхнул их в середину корыта, снова пошарил в сундуке. Но сильнее, чем надо было, надавил на него и пошел сундук в воду! Вниз! Старик поддел его коленом, затормозил на миг, но и его хватило, чтобы запустить руку в сокровища. Ухватил, сколько мог, вытянул руку, бросил камни в корыто. А сундук покачивается на ноге, балансирует. Старик чувствует – силы уходят, ногу свело от самых пальцев и боль все выше пробира-

ется. Еще раз нырнул в сундук и схватил крупный камень. И все! Сундук перевернулся, и в синюю глубокую воду потек сияющий ручеек сокровищ! Вытекли все, и сундук, набрав воды по самый край, пошел следом за ними.

Старик крепче ухватился за корыто и, кося глазами на свои сокровища – как бы не смыло! – погреб к берегу.

...Разноцветье слепило глаза! Старик прищурился, обвел взглядом окрестности и чуть не задохнулся от охватившего его волнения. Вокруг, насколько хватало обзора, расстилалась долина, усеянная драгоценными камнями. Они лежали кучно и по отдельности, крупные и мелкие, сверкающие гладкими сколами и матовые, словно запеченные в печи. Слитки золота и серебра глыбами торчали в зарослях самоцветов – сапфировых, алмазных, рубиновых, изумрудных. Старик и названия их не знал, но одно было ясно: попал он в сказочную долину! Не удержавшись от соблазна, он наклонился, зачерпнул горсть камней, поднял к глазам. Но камни недовольно заворочались, зыркнули острыми лучами, ослепили глаза. Старик испугался, высыпал камни под ноги. Ветер подхватил их и понес радужный хвост к горизонту. Падают камни из него на лету и превращаются в диковинные образы. Гранаты кровью разбрызгиваются, сапфиры синими конями скачут, жемчуга красавицей обернулись. Жеманится она, смотрит кокетливо. Но стоило старику протянуть руку, как со смехом убежала. И вместо нее вдали появился обнаженный мужчина: бородатый, мускулистый, с посохом

в руке, а на том посохе сокол сидит. Сверкнули глаза зоркой птицы изумрудами, и зеленая дорожка пролегла от них к старику. Хозяин сокола, заметив его, подался вперед, сделал шаг и простер руку в сторону. Старик упал на колени. Суровый взгляд приковал его – головы не опустить! Смотрит прямо в душу, а от руки его дорога побежала – далеко, за горизонт... Старик вглядывается, трет подслеповатые глаза и вдруг слышит у самого уха: «Ква-а-а». Щурясь, поводя головой так, чтобы лучше видеть, смотрит он на свое плечо, а на нем сидит лягушка. Чудная! Наполовину красная, сучит задними лапками, а передние исходят цветом: то желтыми становятся, то зелеными, а то и вовсе побелеют. Лягушка тоже на старика глазеет. Да как квакнет, широко открыв зеленый рот! Старик даже ее каменные внутренности рассмотреть успел! А лягушка не унимается. Завела свою песню и переползает на грудь. Старик не то чтобы испугался, но почувствовал отвращение к скользкой твари. А она снова раскрыла рот, и вместе с кваканьем вырвался из него сноп света! Старик едва не задохнулся, открыл рот и... «ква-а-а!» раздалось из его горла. А лягушке, видать того и надо было! Приникла она к груди, зеленую морду подняла выше и вытягивает из нутра его дыхание, а все ее каменное тело пошло всполохами: красными, желтыми, зелеными...

– А-а-а, – стон вырвался из открытых уст.

– Джаркын, Джаркын, – всхлипывая и поглаживая мужа по груди, причитала старуха, – очнись, Джаркын, что ж я без

тебя, как я одна-то... Джаркы-ы-ы-ын...

Собственное имя отдавалось в голове глухими ударами. Старик слышал плач и силился открыть веки, казалось, сросшиеся меж собой. Так и не справившись с ними, он просто-на-и выпростал руку из-под одеяла.

– Что, что? – всполошилась жена. – Молока дать, а? Попей, попей, Джаркын, полегчает! Наша козочка, сам знаешь, на вольных травах гуляет, молоко у нее хорошее, мертвого на ноги подымет!

– А-а-а, – хотел Джаркын сказать, что дура жена, что он и не собирается умирать, а вместо слов только стон, и кашель из самой глубины груди, с клочкотом подобрался к горлу, перекрыл его.

Старуха поднесла чашку с молоком к губам, влила немного. Теплая жирная струя соскользнула в рот, согрела горло. Дышать стало легче.

– Айтулин, – прохрипел старик, – дай... – кашель прорвался, не дав договорить, но сил хватило поднять руку с растопыренными пальцами.

Айтулин сразу смекнула, о чем муж беспокоится. Живот ползла к изголовью, вытянула потрепанный мешок с соковыщами.

Как старик доплыл до берега, Айтулин сразу выгребла камни из корыта и спрятала подальше от людских глаз. Жили старики одиноко, да мало ли! Кто из кочевников мимо пройдет, а то худой какой человек заглянет. В юрте у них добра-

то и нет, так, какая-никакая утварь, одежонка, вот и припрятала старуха заветные камни в тряпье. Кому оно надо?!

– Дай! – старик скрючил пальцы, пытаясь показать, что именно он просит. Да разве его старая жена поймет!

А она и думать не стала, чего мужу надо, поставила мешок перед ним, развязала заскорузлые завязки, раздвинула ткань и сама чуть не нырнула внутрь своим луноподобным лицом – так влекли к себе удивительные камни, так манили, что терял человек разум при виде их сияния.

– Уйди, – прошипел Джаркын, приподнимаясь на локте.

Айтулин откинулась назад. Если бы муж в этот момент посмотрел на нее, то увидел бы демоническую улыбку и дурной бесцельный взгляд. Но не до жены ему было. Лягушка из бредового сна не давала покоя!

Джаркын запустил руку в мешок, провел ладонью по камням, и вспомнились недавние ощущения, как так же на ощупь он доставал камни из сундука. Не сон то был! Явь! А вот и заветный камень. Пальцы пробежались по его выступам. Лягушка?.. Джаркын сжал камень и вынул руку.

Немощь помутила рассудок, силы словно утекли, как те дары, в Теплое озеро. Рука, державшая тело, подкосилась, и старик упал, уткнувшись лбом в кошму. Терпкий запах сырой валяной шерсти ударил в нос, как щепоть дурманящего порошка, пробуравил мозг до затылка и вернул сознание. Тяжело дыша, Джаркын перевернулся на спину и положил руку с камнем на грудь.

Протяжный выдох мужа привел в чувство старуху. Она подползла, толкнула его, вглядываясь в лицо, покрывшееся испариной. Рука старика соскользнула и Айтулин вскрикнула, увидев на его груди лягушку. Красная, с желтыми и белыми полосами поперек, она казалась трепещущей. Даже зеленая агатовая морда играла цветом.

Старик открыл рот, ловя воздух. Айтулин позвала его:
– Джаркын... ты живой?..

Он махнул одной кистью и провалился в сон без сновидений.

Айтулин посидела рядом, прислушиваясь к дыханию мужа. Красно-зеленый агат так и лежал на его груди. Убрать?.. Оставить?.. Айтулин никак не могла решить, что сделать. Ее сморщенное от жизни лицо отражало недоумение. Столько чудес, сколько они с мужем увидели за последние два дня, никто из их рода никогда не видел, ни одного такого! Айтулин довольно улыбнулась. Все-таки чудеса – это так необычно! Вот что она видела за всю свою жизнь? Эх... Родилась на просторе, кочевала с отцом и матерью, пока не повзрослела, не стала девушкой. А потом? Потом появился Джаркын. Увезли ее на другой берег Теплого озера, где и горы не так высоки, и люди другие. Чужие люди. Но Джаркын оказался ласковым мужем. Не бил, как другие, жалел, когда туго приходилось, когда работы было столько, что голова не соображала, сердце гасло в груди и только руки да ноги работали, будто сами по себе. Родила Айтулин четырех доче-

рей. Сколько просила Умай дать им сына, сколько просила... не дала! Видно, не доходили молитвы до ее ушей, не до нее было жене Тенгри, других слушала.

Джаркын корил жену за дочерей, сына ждал. Не дождался. Как выросли девочки, вошли в свою пору, отдали их, как и ее когда-то, и остались они с мужем одни. Поставили свою старую юрту на берегу озера, неподалеку от шумной реки, что стекала в него с гор, да так и стали жить здесь. Перестали кочевать. Уходил Джаркын в горы, то на охоту, то травы накосить, но недолго там оставался. Пасти им особо некого – козу да несколько овец, что за девочек дали, и в окрестностях реки прокормить можно – невелика отара! Конь старый был. Но помер в прошлом году, время пришло. Без коня трудно. Джаркын совсем сник. А на что его выменяешь? Эх, были бы сыновья, все было бы у них по-другому! И ей помощь была бы: это дочери уходят в чужую юрту, а сыновья невесток приводят! И сами отцу в помощь.

Джаркын во сне чмокает, есть, небось, хочет. Два дня не ест. Хорошо, хоть молока выпил. Щеки порозовели. Рука Айтулин легла на лоб мужа. Не горит... Неужто камень жар забрал? Ох и чудеса! Айтулин решила оставить подарок Тенгри на груди мужа. Укрыла его только потеплей. Посидела еще, послушала, как он дышит. Тихо дышит, не хрипит. Пусть спит! Надо поесть приготовить. Проснется голодный! Мясо сушеное еще осталось, ячмень есть, молоко заквасила вчера, надо процедить, курт навалить, с супом в самый раз

будет! ⁴

Айтулин привстала на плохо гнущихся ногах. Руками себе помогла, да задела мешок с сокровищами. И такая радость ее вновь обуяла! Вот их спасение! Теперь и конь у них будет, и какого бродягу наймут в помощники, и юрту обновят – совсем кошма прохудилась! Расплылось лицо старухи в улыбке! Вновь захотелось посмотреть камни. Она взяла мешок и вышла с ним из юрты. ⁵

Солнце ярко светило над головой. Озеро разогнало облака, и теперь они белым пухом лежали на хребтах гор. Не сразу различишь, где облако, а где снежная шапка!

Айтулин стянула сушившуюся кошму на землю и уселась на ней, скрестив ноги. Мешок, украшенный цветами из красной шерсти, кое-где побитый молью, грел пальцы. Айтулин не выпускала его из рук, наслаждаясь предвкушением зрелища. Но вот нетерпение достигло своего предела, и она расправила старый войлок, разгладила смятый край и, приподняв за нижний угол, тряхнула мешок. Камни, обгоняя друг друга, высыпались на кошму.

– Ай, ай, ай, – довольно запричитала старуха, покачиваясь из стороны в сторону.

Других слов, кроме короткого восклицания, у нее не нашлось, чтобы выразить восхищение и то довольство, которое она ощущала. В животе приятно щекотало, как в былые

⁴ Курт – шарики из высушенного творога.

⁵ Кошма – войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти.

годы, когда Джаркын запускал руку под платье, а в груди замирало сердце, ожидая то ли радости, то ли беды.

Не так много сокровищ успел забрать муж из сундука, но и горка величиной с черепаху радовала глаз. Айтулин зачерпнула камней, как воды в ручье. Каплей упала жемчужина, проскользнул между пальцами лазуритовый кабошон, скатился с ладони полупрозрачный агат... Женщина поднесла ладонь к глазам поближе, почти под нос, и зацокала языком.

– Ай, ай, ай...

Трясущиеся, скрюченные пальцы пробежались по камням. Приятным холодком отзывались сокровища. Айтулин сжала подушечками пальцев краснеющий сердолик, подняла, снова зацокала языком. Воображение старой женщины рисовало украшение, в котором этот камушек станет центральным, главным! Повиснет на груди серебряный бойтумар, на тонких цепочках будут позванивать, сталкиваясь друг с другом, зерна гранатов, бирюзовые вкрапления высветят красный сердолик...

Замечталась Айтулин и не сразу услышала стук копыт за юртой, храп коней, одурманенных быстрой ездой, лай своего пса, такого же старого, как и его хозяева. Так неожиданно прямо перед ней появились два всадника. Айтулин легла грудью на свое добро, подгрестила мешок, неловко, по-старушечьи пытаясь скрыть то, что досталось ей на старости лет. Но камни как назло расползлись по кошме, вынырнули

из-под дряхлой груди, засверкали, засияли. Айтулин шарит по ним, ухватила какой покрупнее, сжала в кулаке.

Всадники успокоили коней, цыкнули на собаку, но не спешиваются, видать, торопятся. Один наклонился, говорит:

– Мать, дай кумыса, давно в дороге, горло бы промочить.⁶

И ждет, а Айтулин дар речи потеряла, бормочет что-то несвязное себе под нос.

– Что с тобой, мать? – всадник недоумевает. Бросил быстрый взгляд на юрту, понял, что небогато тут. – Есть кто в юрте? – спросил, прислушался, поглядывая на темнеющий вход. Тишина. Никого нет. Он снова к старухе: – Видать, некому и воды поднести.

Слетел с коня, а старуха и вовсе к земле прижалась, трясется вся.

– Мать... – всадник подошел к ней, склонился, прикоснулся к спине.

В Айтулин словно демон вселился. Она подняла голову, осыпала гостя руганью, а сама подолом камни прикрывает, да неловко так. Всадник нахмурил брови. Из-под шлема капли пота стекают, щеки красные от ветра. Заметил он добро, сощурил свои и без того узкие глаза, усмехнулся.

– Так ты гостей привечаешь... А что там прячешь, а, мать?

И толкнул Айтулин. Она завалилась назад, ноги выпрямились, подол задрался, камни рассыпались.

Второй всадник слез с коня. Улыбается во весь рот.

⁶ Кумыс – кисломолочный напиток из кобыльего молока.

– Что ж, раз ни кумыса, ни воды нам не дали, хоть этим насытимся!

Он наклонился к кошме, потянулся к сокровищам. Айтулин заголосила:

– Не смей! Не твое это! Джаркын! Каныкей! Сюда скорее, сюда! – выкрикивает имена, будто где рядом ее муж, ее сын, сейчас придут на помощь, защитят, а непрошенные гости оглянулись вокруг и смеются, понимая, что старуха пугает их. Только старый охранник попытался отогнать воров, за что и получил пинок, от которого отлетел в сторону.

Собрали они все камни, вскочили в седла, развернули коней. Старуха уцепилась одной рукой за попону, а конь, прищипоренный хозяином, поднял заднюю ногу, и пришлось его копыто прямо ей под дых. От острой боли Айтулин вскрикнула и упала. Всадники переглянулись и ускакали так же стремительно, как и прибыли.

Айтулин глотнула воздуха в последний раз и ее сердце остановилось. Потухающие глаза отразили белые облака, плывущие к озеру из-за гор. Расслабленная ладонь разжалась: пустая, она могла рассказать только о нелегкой жизни простой женщины, так и не нажившей добра, о котором мечталось.

Ночь погрузила мир в тишину. Редкий всплеск волны у берега, едва различимое вдали дыхание гор не мешали ее господству, напротив, они оттеняли ее, тонули в непроглядной вязкости. Безмолвные звезды украсили полог ночи мер-

цанием, луна бросила серебристую дорожку на подрагивающую гладь воды...

Джаркын очнулся от глубокого сна. Не открывая глаз, прислушался. Тишина... Собака подвывает. Теплое одеяло защищало старика от холода, но хотелось ему живого тепла. Он пошарил рядом, удивился, что старухи нет. Открыл глаза, но в темноте, лишь самую малость разбавленной лунным светом, который проникал в юрту через отверстие в потолке, разглядел только очертания вороха одеял и все.

Джаркын приподнялся на локте, камень скатился с его груди. Вспомнил старик все, что с ним произошло, и невнятная тревога охватила сердце.

– Айтулин, – позвал он, вглядываясь в серый абрис двери, подсвеченной луной.

Ни слова, ни вздоха в ответ. Куда подевалась? Неужто сбегала?... Джаркын поперхнулся. Зачем? Да что такое в голову лезет?! Совсем спятил на старости лет! Старик поднялся. Камень, что привиделся ему во сне лягушкой, оставил под одеялом. Пусть полежит! Куда ему отсюда деться!

Кряхтя, нашарил Джаркын стоптанные кауши, что всегда стояли у порога – не сапоги же натягивать, чтобы до ветру сбегать? – и толкнул узкую приземистую дверь. Ядреный воздух ударил в нос. Старик с наслаждением потянул его в себя. Сейчас он чувствовал себя бодрым, как никогда! И холод ночи только освежил, как в молодости... Да где же старуха?..

– Айтулин! – позвал громче, поводя головой вокруг.

Лунная дорожка мерцала вдали. Драгоценные камни неба зависли над миром, словно решая, падать им или еще повисеть. Старик поднял кошму, лежащую рядом, удивился, что валяется. Мешок свалился с нее. Недоумевая, Джаркын оставил кошму и поднял мешок. Пустой... А где камни?.. Сердце обожгло огнем!

– Айтулин! – во весь голос закричал он.

Держа пустой мешок, старик обежал юрту вокруг, заглянул в загон с овцами. Они гуртом толпились в дальнем углу. И пса нет. Сторож! Джаркын с досадой сплюнул. Оглянулся вокруг. Старый кобель, поджав хвост виновато опустив голову, шел к нему.

– Где Айтулин? Где? – вопрошал старик.

Пес поводит обрубками ушей и вдруг завыл – протяжно, так, что мысли спутались, только одна забила в висок: «беда, беда».

Пес, оглядываясь на хозяина, потрусил ко входу в юрту. Лег у кучи тряпья, положил на него голову. И только тут Джаркын разглядел: не тряпье это, старуха его лежит, раскинув руки!

– Айтулин...

Он присел, встал на четвереньки, пополз к жене, повторяя ее имя шепотом, протянул руку, толкнул легонько в бок.

– Вставай, Айтулин, что это ты здесь лежишь, вставай... жена... Айтулин...

Ее тело уже остыло. Глаза потеряли жизнь, и не было в них взгляда, не было ни упрека, ни хитринки, с которой она часто обращалась к мужу. Дрожащей рукой Джаркын провел по холодным векам. Они едва прикрылись. Старуха словно не хотела закрывать глаза, решив подглядеть за мужем. Джаркын уронил голову и заплакал. Горячие слезы покатились по щекам. Стон вырвался из груди. Пес сел и, вторя хозяину, завыл во весь голос.

До зари просидел Джаркын рядом с телом жены. Он переложил ее на кошму, бережно укрыл одеялом, как бывало прежде, когда она, разгоряченная жаркими объятиями, засыпала, раскинувшись, пыша огнем молодого тела. Воспоминания, одно за другим, пролетели в голове старика. Вот она пугливой девушкой сидит в юрте его родителей, впервые ожидая мужа, которого еще и не видела ни разу. Вот лицо сияет от счастья, когда первая дочь заголосила, возвестив миру о своем рождении, вот суeta и скорбь соединились вместе во всем ее облике, когда провожали в последний путь его отца, ее свекра. А как умела Айтулин веселиться! И ревновал ее Джаркын! Ведь стреляет глазками, вертится в танце, все на нее смотрят, любят... И последнее, что запомнилось из их жизни – сундук в озере. Как Айтулин бегала по берегу, когда он поплыл к сундуку, а как она хлопотала над ним, когда болезнь лишила его сил и разума! Айтулин...

Новый день пришел светлым, солнечным, будто нет на земле горя, будто все счастливы под синим небом. Джар-

кын никак не мог понять, что случилось, почему умерла его Айтулин. Он походил вокруг юрты, нашел желтый камень, оброненный ею. Пошарил внутри их скромного жилища, надеясь найти сокровища, которые Айтулин наверняка спрятала. Но не нашел. И тогда одна мысль вкралась в его одурманенную горем голову: кто-то чужой был! Пришел незванным гостем, обокрал и, убив его старуху, скрылся, как трусливый пес. И подтверждение тому нашел Джаркын! Следы копыт! И как он сразу их не заметил?! Два было всадника! Пришли с запада, ускакали на восток, вдоль берега озера. Джаркын сжал кулаки. Досада, стыд, что не смог защитить ни свою жену, ни свое добро глодала его сердце. Проспал все! Жизнь свою проспал! Жену свою не уберег!.. На сухие щеки выкапталась слеза. Обожгла хуже плети!

– Э-эх! – в сердцах воскликнул Джаркын.

Да и что теперь он мог сделать?! Но день нарастает, время бежит вперед, а его старуха все еще лежит на земле, все еще ждет погребения. Самому не справится с похоронами. Надо идти к людям, просить помощи. Да и разузнать, не встречал ли кто чужих вчера, рассказать всем о свершившемся злодеянии. Молва людская быстро летит, глядишь, и догонит убийц, и схватят их воины, и отомстят...

Стойбище его племени стояло у самого начала ущелья, там, где река с шумом вырывалась из скальных объятий и растекалась по долине – не пологой, но плавно спускающейся к Теплому Озеру. Десяток юрт примостились между

стелющимися ветвями можжевельника и валунами, так давно спящими под открытым небом, что и забыли, когда были единым целым со скалами, разрубленными водой пополам. Еще не все люди вернулись с летников, но у каждой юрты хлопотали женщины, просушивая кошму под пока греющим солнцем, готовя суп из остатков сушеного мяса или сухих творожных шариков, которые каждая хозяйка катала из сквашенного молока. Скоро весь скот спустят с гор, посчитают приплод, отдадут дань вождю и устроят пир! Вот тогда приготовят хозяйки бешбармак из свежего мяса, приправив его кусочками теста, сваренного в густом бульоне. В такие дни Джаркын с Айтулин ездили в гости. Айтулин готовила боурсаки. Ох, и вкусные они у нее получались! Джаркын менял барана на муку. Айтулин топила курдючное сало и обжаривала в нем кусочки теста.

Стариков принимали радушно. Бывает и побурчит какой хозяин, но блюдо бешбармака не пожалеет. А Джаркын с Айтулин и не к каждому заходили! Были среди поселенцев их родственники, с ними и благодарили Тенгри за покровительство, а Умай – за приплод и детей, не забывая попросить и о здоровье.

Теперь же Джаркын шел к людям один, и не в праздник, а с бедой. Не готов он к ней – к беде. Сколько раз они с Айтулин перемывали косточки той, что в прошедшую ночь явила свой страшный лик! Спорили, кто кого переживет. Вот теперь и спорить нечего. Он остался. Один. Еще лежит жена

на земле, а сердце опустело, тоска заполнила обмягший мешок старой плоти, каким-то чудом еще умеющий чувствовать. Любил ли он жену?.. Любил! Ласкал, пока была молода, жалел в старости. Обижал – тоже бывало. А что обижал-то? Она и поворчит, да и то – за дело, а он... Как-то совсем плохо стало, все тепло из груди как из перевернутого бурдюка вниз слилось, и потяжелели ноги, не поднять... Джаркын грузно осел, оперся заскорузлыми ладонями о холодную землю. Открытым ртом ловит воздух, а он – мимо рта, и сжалась грудь, и сердце то стукнет, то замрет.

– Дедушка, вы чего здесь?

Джаркын поднял голову. В тумане перед ним в жарких одеждах сидит... лягушка. Влажной лапкой поводит по щеке, завела свою песню. Джаркын отмахнулся, а она толкает, тормошит. Старик воротит голову, да не отвертеться – настырная! Да как плеснет водой, туман сразу рассеялся, и превратилась лягушка в девушку.

– Кто ты? Что тебе надо?

– Я – Айгуль! Пойдемте, я вас до дома провожу.

– Айгуль... – Джаркын узнал внучку родственника. – Ой, дочка, не домой мне надо, старуха моя померла, лежит там, людей позови...

Всем миром проводили Айтулин. Высокий холм насыпали. Джаркын сам воткнул в него длинную палку с конским хвостом на конце. Кто-то из женщин повязал на нее моток цветных нитей. А людская молва понесла весть о разбой-

никах, погубивших душу. Да мало ли их бродит по земле? И не всякий отличит хорошего человека от плохого. И разбойник на людях старается быть как все, чтобы его привечали, делились кровом и пищей.

Как ни горевал старик о своей старухе, а мысли о мщении вяло провисали в его больной голове, как те нити на погребальном холме. Если и была какая-то живость в старом человеке до того, то теперь он чувствовал себя никчемным, бессильным, и не осталось в нем никаких желаний и никакой заботы. Одиночество холодило его сердце, забирало последние силы.

Поначалу люди помогали. Кто еды принесет, кто посидит рядом, поговорит о том о сем. Но горе близко только тому, кто хранит его в своем сердце, а у других и так забот хватает.

– Джаркын, ты бы перебрался к нашему стойбищу поближе, – предложил вождь племени, навестивший старика. – Овец в общее стадо отдай, не прокормишь зимой. А тебе найдем место в теплой юрте.

– У меня своя есть, – ответил Джаркын.

– Оно-то так, но пустая она без хозяйки, а у нас всегда найдется чашка горячей похлебки.

Не убедил вождь. Не пошел Джаркын к людям. Как ни тосковал он по старухе, а обычные хлопоты по хозяйству отвлекали. Овец пасет, дрова к зиме готовит, юрту починяет. Разобрал вещи, ненужные стал менять на еду. У кого курт возьмет, у кого сухого мяса. Летом они со старухой запаслись

травками, целебными корешками, засушили ягод, навялили яблок – зиму продержится!

Старый пес всегда с ним. Разве что куда улизнет, чтобы еды раздобыть. От хозяина мало что перепадало! Но пес свою службу нес, как положено. Не еда привязала его к человеку. Богом он поставлен охранять его от всякого зла. Хозяину не уберег, за что помнил свою вину. Но нет страшнее врага, чем человек! А за хозяином следил исправно. Как кто чужой к юрте, так кидается в ноги, лаем исходит.

– Совсем пес твой озверел! – жаловались гости.

Джаркын для острастки цыкнет на него, но не бьет. Понимает, что за него пес горло дерет. Да и кроме безмозглых овец никого у него не осталось. Вот и выходит, что пес – самый близкий из всех живых.

За зиму Джаркын прирезал пару овец. А что их жалеть? Помрет, кому они достанутся? То-то же! И не жалел. Зима прошла. Сердце успокоилось. С весной и силы в тело вернулись. Крепким стал чувствовать себя Джаркын. И все чаще всматривался вдаль, за озеро, на далекие горные хребты. Что там за ними? Выйдет пасти овец и все смотрит в небо. Сокол пролетит – напомним ему старый сон. Достанет Джаркын заветную лягушку – всегда ее с собой носит! – и вертит в руках, разглядывает. А сокол своим полетом все тревогу нагоняет. Потерял Джаркын покой.

Когда воздух наполнился ароматами молодых трав, когда песни птиц стали веселее, когда пастухи племени начали со-

бираться на выпасы, Джаркын раздал людям скот и все добро, спрятал агатовую лягушку за пазуху, взгромоздил хурджун с припасами на плечо и пошел. Куда? Куда дорога повела!

Пес, оставшийся без дома, без стада, без хозяев, встал в нерешительности. Где-то там блеяли овцы, которых он охранял у своей юрты. Где-то там лежала и разобранный юрта. Где-то там в земле покоилась хозяйка. А хозяин пошел, не позвав его. Пес поднял морду, потянулся к небу и завыл. Джаркын оглянулся. Пес с готовностью напрягся. Джаркын, помолчав, кивком позвал его. Сорвавшись с места, как щенок, кобель рванул к хозяину и, благодарно ткнувшись носом в его колени, посеменил рядом.

*Да дойдёт наша молитва до Белого Творца!
Мы молимся тебе днями и ночами,
Да дойдёт наша молитва до твоего дворца!
До Великого бога! О, Тенгри!..*

Глава 2. В дороге

Тихое журчание ручья навевало сон. Джаркын смотрел на чистые струи и как зачарованный погружался в иной мир – грез ли, своих мыслей или призрачного сна, в котором он пытался думать, не позволяя духам увести себя туда, где все возможно. Но глаза закрылись. Ласковое тепло пригрело веки. Джаркын обмяк, отдавшись неге, и только музыка ручья еще звучала в его ушах. Расслабленный слух различал переливы воды, то текущей плавно, то попавшей под камень, то струящейся между корнями куста, капризом природы выросшего на кромке речного ложа. Наконец, духи победили, и Джаркын провалился в беспамятство, дарующее отдых телу и уму.

Картины пережитого за все его нелегкое путешествие вновь пронеслись перед внутренним взором, пугая холодом снежных перевалов, прощальным воем старого пса, потерявшегося в снегах, страшного гула лавины, едва не поглотившей его самого хищным снежным оскалом.

Впервые за всю свою жизнь Джаркын почувствовал горечь потери собаки. Разве что в детстве он любил собак, которые росли вместе с ним. Он делился с ними куском хлеба на выпасе отары, грелся у теплого бока, засыпая в ложбинке. Но прошли детские годы и, став взрослым, Джаркын забыл о нежных чувствах и, как и все, был строг с собаками, кор-

мил редко, оставляя им право самим добывать себе еду, прогонял грубым словом, а то и пинком, когда преданная животи́на кидалась под ноги пришлому человеку. Но пес, с радостью отправившийся с ним в дальние дали, стал самым близким другом, единственным живым существом, которое напоминало о прошлой жизни. Джаркын разговаривал с ним, вспоминал свою старуху. Слыша ее имя, пес вставал и, наострив уши, прислушивался, вглядывался вдаль, ища хозяйку. Джаркын вздыхал, теребя пса по холке, и погружался в свои думы. В них он пребывал всегда, но пес умел вытаскивать его из прошлого лаем, прикосновением мокрого носа, скулежом.

Теперь Джаркын был предоставлен сам себе, совершенно одинок. Никому не нужен. Жалость к себе порой сжимала сердце. Не может человек быть никому не нужен! Не может... Всю жизнь он был кому-то нужен: отцу с матерью, жене, детям, соседям, собаке. А теперь нет никого рядом. Он один. Только каменная лягушка сидит за пазухой и греет грудь своим зеленым брюхом. Зачем она ему?.. Нет! Лучше не думать так! Сколько раз Джаркын ловил себя на этой мысли и сколько раз после ее появления с ним происходили чудеса, о которых и при воспоминании – мурашки по коже. То сокол откуда ни возьмись срывался с вышины и пикировал прямо на него, как на дичь. То ползучие гады преследовали, словно загоняя на единственно верную тропу, которая ведет... Куда? О том не было ему ни снов, ни видений,

но то, что он шел, ведомый куда-то некой силой – злой ли, доброй ли? – он понял давно!

В настороженный сон ворвались странные звуки. Ручей потерялся в них. Вместо его баюкающей музыки издалека летел оглушительный вой, напомнивший бывшему пастуху топот несущегося табуна. Джаркын вскочил. Глаза, еще затуманенные сном, ухватили только край потемневшего неба. Гул шел с гор. Ручей из добродушного тихони вдруг превратился в рычащего монстра! Вздрыгнувшись, поменяв цвет с серо-голубого на ржавый, он несся вниз, пучась, расширяясь, сметая на ходу все, что было ему под силу.

Джаркын, недолго думая, подхватил полупустой хурджун и помчался вверх по склону. Ни крутизна, ни сыпучие камни под ногами не могли остановить страх, подгонявший человека, так задиравшего колени, что они одно за другим маячили перед его носом. А ревуший поток, в который в одно мгновение превратился ручей, лизал пятки, кусал зад, кидался на спину густым месивом грязи, несущей в своей страшной массе камни, сваленные деревья, выдранные с корнями кусты.

Темной тучей повис над ущельем поток воды, обрушившийся с небес. Халат старика цеплялся за колючки, тянул вниз отяжелевшим от воды подолом. Джаркын подхватил его на ходу, приподнял, но гнавшийся за ним сель ударил сбоку, выбил из рук хурджун, а самого отбросил на высокий валун, некогда скатившийся с горы, да так и застрявший на ве-

ка в нелепой позе. Джаркын распахнул руки, обнял камень, вцепился в него намертво. Ноги заскользили по грязному каменному боку, но, попав в углубление левой ногой, Джаркын уперся ею и закинул правую так высоко, как вряд ли смог бы сделать это в обычной жизни. Сель потрепал его спину, влепил грязную пощечину, ткнул в мошонку подвернувшимся камнем и отстал, рыча и негодуя.

Немыслимыми усилиями Джаркын заполз на камень. Сель гудел прямо под ним. Но так и не дотянулся, умчался вниз и вскоре стал худеть, таять, оседать, оставляя за собой безобразный грязевой след. Старик наблюдал за ним, дрожа и стуча зубами. Барабанную дробь отбивали страх и промозглость, вместе решившие добить человека вслед за безумным потоком, от которого тот чудом уцелел.

Джаркын сидел, обхватив колени. Полы халата опали по бокам, через дыры в штанах гулял ветер. Что делать? Как жить? «Э-эх», – простонал он. Горячие капли упали на щеки. Джаркын забыл о том, что мужчины не плачут, и ощущение безысходности выплеснулось скупыми старческими слезами. Но все когда-то кончается! Кончился дождь, убежала беда, высохли слезы. На смену отчаянию пришла жажда жизни. Она появилась с мыслями о голоде, о холоде, которые принуждали встать и идти. Куда? Все равно! Но только идти и искать пищу, тепло, убежище.

День убежал вслед за селом, и ночь опустилась в ущелье, закрыв его тьмой. Но вскоре волей Тенгри над головой за-

сияли звезды и взошла яркая луна. Джаркын встал. Грязь на халате еще сочилась влагой, отягощая его полы, но идти было можно. И Джаркын пополз вверх, цепляясь за кустики травы, впечатывая каждый шаг так, словно хотел вбуриться в само тело земли.

Вскоре склон начал выполаживаться. Редкие камни торчали на нем, освещенные луной. Джаркын приглядывался к каждому, ища место для ночлега, но в этом царстве одиночества думы не руководили его действиями. Ноги сами вели наверх, как он ни стремился прилечь в какой-нибудь ложбинке под камнем. Только выбравшись на гребень, Джаркын остановился и перевел дух.

Ветер охладил разогревшееся тело, ударил в лицо. Джаркын сощурился и осмотрелся. Он стоял на одном из гребней, нисходящих с длинного хребта: ни его начала, ни конца не различить в ночи. Но можно выбраться на сам хребет, дождаться рассвета и тогда увидеть, что находится за ним, по другую сторону. Надежда найти человеческое жилье крепла в сердце одинокого странника. И даже боязнь худого люда не пугала его в этот час. Джаркын пошел наверх.

На гребне лихой ветер едва не скинул чужого здесь человека. Старик пригнулся и спустился ниже – туда, где природа была доброжелательней, и, выбрав камень покрупней, сел за ним и тут же уснул.

Перед рассветом в природе наступает равновесие. Бодрствующие ночью оставляют мир и уходят в свои норы, тогда

как живущие днем еще только просыпаются. Небо светлеет, меняя окраску с серого на розовое, и в эти мгновения стоит абсолютная тишина. Даже ветра льнут к земле, смиряя свой непоседливый нрав. Но гаснет последняя ночная звезда, птицы взлетают в небо, шумом крыльев и песнями приветствуя одну-единственную дневную звезду, имя которой по-разному звучит у отдельных народов, но у всех вызывает поклонение. Солнце, Ра, Митра, Кун, Куеш! Да здравствует звезда, дарующая миру свет – столько света, что ворчливые тени уползают от его обличительного откровения, цветы поднимают влажные головы, люди улыбаются его ласке, шепча молитвы!

Джаркын очнулся от сна и с глубоким вдохом втянул в себя жизнь нового дня. Терпкий воздух пощекотал нос, любопытные лучи скользнули по векам.

Снизу доносился шум реки, и Джаркын почувствовал жажду. Чистое небо обещало спокойный день, а вчерашнее ненастье осталось в памяти страхом. Джаркын долго всматривался в ущелье, еще укрытое тенями хребтов и поблескивающее на гребнях тонкой коркой подмерзшего за ночь фирна. Наметив путь, он обогнул старые сыпучие скалы, торчащие над гребнем сломанными зубьями, и пошел вниз, намереваясь спуститься к ручью, вытекающему из ущелья в широкую долину. Она зеленела вдали, окаймленная хребтами, склоны которых перемежались частоколом елей с проплешинами цветущих лугов.

Перейдя говорливый сай вброд, Джаркын пошел вниз по течению бурной реки, молочные воды которой тащили по дну камни. Задубевшие от грязи ичиги едва сгибались и давили на ноги, но, впитав влагу, они размягчились, и Джаркын почувствовал облегчение. Пусть в сырости, зато без мозолей! Настрадались его ноги за время путешествия, дать бы им отдых, снять бы кожаные сапоги, сунуть ступни в мягкие войлочные тапки, которые ему сваяла Айтулин и которые унес сель...

В думы старика ворвался встречный ветер. Он принес запах дыма... Джаркын сглотнул. Дым означал одно – человеческое жилье! А с ним и еду, и тепло очага, и – да будет слава богиня семьи и домашнего уюта Умай! – гостеприимство хозяев!

Подгоняемый голодом, Джаркын прибавил шаг и вскоре за очередным поворотом реки он увидел широкую поляну и юрту посреди нее. Из-за юрты поднимался в небо дымный хвост. Очаг! Сердце странника возликовало. Лихо перебежав еще один сай по перекинутому через него бревну, Джаркын подошел к юрте и остановился, приветствуемый громким собачьим лаем.

– Кет! Кет! – зычный голос остановил собак и они, как ни в чем не бывало, потрусили назад, подхалимски склонив лохматые шеи.

Джаркын пошел за ними. Около юрты, приглядываясь к незнакомцу, стояла молодая женщина. В отороченной ме-

хом безрукавке она казалась полноватой. На груди безрукавка не сходилась; из-за ворса поблескивали медные пластинки, лежащие на расшитом узорами темном платье.

Еще издали Джаркын поклонился, прижав правую ладонь к сердцу, а, подойдя ближе, остановился и поздоровался:

– Мир вам!

Женщина кивнула в ответ. Но, то ли от страха, то ли от неожиданности, она и слова не промолвила. «Видать, не часто сюда люди заходят», – подумал Джаркын и попытался успокоить:

– Я – странник, давно иду по горам. Вчера едва не погиб. Сель сошел. Я убежал. Потерял все вещи. Позвольте погреться у вас, просушить одежду.

С лица женщины сошло напряжение, но в глазах осталась настороженность. Женщина кивком пригласила гостя в юрту. Джаркын облегченно вздохнул. Не ошибся он! Гостеприимная хозяйка оказалась!

Он переступил порог, откинув полог, постоял, давая глазам привыкнуть к полумраку. Стянул с себя уже подсохшие ичиги и сел сбоку на кошму. В юрте, защищенной от ветров плотной войлочной накидкой, было тепло. В центре, в земляном углублении, уютно мерцали уголья прогоревшего дерева. Несмотря на открытый тундук, в жилище еще стоял дух его обитателей пополам с сыростью, пропитавшей войлок за дождливую ночь. Но Джаркын наслаждался запахами человеческого жилья. Комок подступил к горлу. Он закрыл

глаза, зажмурился и как наяву услышал побрякивание своей Айтулин, ее возню у печи, уловил запах горячего молока, аромат надломленного свежего хлеба.⁷

– Эй, – чужой голос прогнал видение.

Джаркын сглотнул горе, открыл глаза. Круглое лицо женщины оказалось прямо перед ним. В ее прищуренных глазах, подпираемых алыми щеками, сквозило любопытство. Джаркын хотел было сравнить ее лицо с луной, но загорелая кожа никак не вязалась с бледным ликом луны. Только тени от плоского носа и пухлых губ отдаленно напоминали пятна на ней. Отороченная мехом шапочка возвышалась на голове женщины. Черные косы выглядывали из-под нее. Украшенные звонкими подвесками, они змеями вились по груди.

Хозяйка подала гостю чашку молока. Разломила хлеб. Шарики сухого кислого сыра лежали горкой на чистой полотняной ткани. Джаркын припал к чаше и, обжигаясь, пил и пил тягучее, маслянистое кобылье молоко. С каждым глотком в него входили силы, предназначенные природой для жеребят, но с давних пор используемые людьми. Осушив чашу до дна, старик поставил ее и благодарно посмотрел на хозяйку юрты. Она смутилась, поспешно встала, стряхнув невидимые крошки с тяжелой юбки, и вышла.

Оставшись один, Джаркын поел и, разморенный теплом и едой, сам не заметил, как уснул, завалившись на бок и положив голову на край стопки одеял, сложенных у стены юр-

⁷ Тундук – верхнее отверстие в юрте.

ты.

Очнулся он глубокой ночью. Странную штуку сыграло с ним его же собственное сознание! Едва только сонный морок растаял, собственные мысли нарисовали ему картину его старой юрты. Джаркын прислушивался к звукам ночи, думая, что он там, где его уже давно нет. Снаружи слышался плеск воды, возня овец в стойле, храп коня, а внутри – посапывание его старухи. Только не рядом, а в глубине юрты, да и еще чье-то беспокойное дыхание... Джаркын открыл глаза. Ничего не увидел, но сразу понял, что не дома он. И не озеро плещется вдаль, а гудит река, взбивая воду в пену. Мысли побежали назад, одна за другой и события последних дней восстановились в памяти, и так стало горько, что хоть вой! Джаркын вспомнил чужую юрту, молодую женщину, приютившую его, и понял, что уснул, да так крепко, что не услышал приготовления хозяев ко сну. А то, что в юрте было несколько человек, он теперь точно знал. Слышал он мужской храп и вздохи молодухи, и старческое побрякивание.

Захотелось выйти наружу. Хорошо, что уснул, не раздеваясь, а то ищи свою одежду в темноте!

Приоткрыв низкий полог, старик выбрался из юрты. Колочий ветер сразу дохнул в лицо. В горах и летом ночи холодны! Хорошо, хоть дождя нет. Джаркын поднял голову: сколько небесных созданий бродит по небу!.. А Тенгри спит – не видать его светлого ока.

Справив нужду, старик задумался. Холод пробирает, а возвращаться в чужую юрту не хочется. Что делать? Но быстро решил – вернусь! Пережду до рассвета, недолго осталось...

Хлебнув холодного воздуха, снова примостившись под тяжелым теплым одеялом, Джаркын уснул и проснулся, когда хозяева уже хлопотали снаружи. Только кто-то ворочался на другой стороне юрты. Джаркын не стал выяснять кто, а вышел поздороваться с хозяином.

– А, проснулся! – немолодой, дородный мужик готовил коня к поездке. По голосу чувствовалось, что он рад гостю. – Бермет! – крикнул за плечо. – Подай молока! Только подоила кобылицу, горячее еще! – эти слова хозяин уже обратил к гостю, успевая и подпругу затянуть и его разглядеть.

– Спасибо за приют! – не зная, что еще сказать, Джаркын потоптался на месте, краем глаза заметив, что та самая женщина, которая вчера приняла его, идет к ним с кувшином. – Если что помочь надо, так я...

– Хорошо! Помощь всегда нужна. Я вечером вернусь, поговорим. А пока ей помоги, – он кивнул на женщину. – Тебя как звать-то?

– Джаркын я.

– А я – Кутлук!

Он не без труда поднялся на коня. Поерзал, усаживаясь удобней, пнул коня в бока и, одарив женщину прощальным взглядом, потрусил вверх по тропе вдоль реки. Матерый чер-

ный пес выбежал из-за юрты и привычно побежал рядом.

Джаркын выпил молока, отдал кувшин хозяйке.

– Муж? – спросил ее.

Она опустила глаза.

– Нет, свекор. Муж умер в прошлом году.

Джаркын выпятил губы, сочувствуя. То-то странным ему показалось: женщина молодая совсем, а хозяин разве что чуть его моложе. А кто ж ночью возился в юрте? Слышал он, подумал муж с женой.

Женщина позвала за собой.

– Дров принесешь?

– Принесу.

Она достала топор и веревку.

– Туда иди, – махнула на гору, от самого низа укрытую сплошными кустами и ельником, да так, что и крутизны не видать, – обойди по тропе, потом поднимайся. Сил-то хватит? Смотрю я, ты никак бодрый, а лицом – так старик, не пойму.

Джаркын приосанился.

– Был старик. А как сюда пришел – помолодел, – ответил заносчиво.

Бермет незло ухмыльнулась.

– Раз так, поторопись, мне скоро огонь разводить.

По совету хозяйки Джаркын пошел по течению реки и свернул в ложбину между двумя горами. Говорливый ручей бежал между ними, веселя сердце журчащей музыкой.

Склон дальней горы ярко освещался солнцем, а тот, куда вела тропинка, оставался в тени. Сырым духом веяло из-под кустов и густых трав. «Это как мое настроение вчера, – подумал Джаркын, – а солнечный – как сегодня».

– Хе-хе, – сам себе удивился.

Не хотелось мерзнуть в тени и, перепрыгнув ручей по камням, старик пошел к свету. Травяной ковер еще держал утреннюю влагу, росинки поблескивали на солнце жемчужными боками. Аромат цветов, вытягивающих яркие головки из густой зелени, размягчал сердце, пробуждал детскую радость.

Джаркын забрался на середину склона, встал, переводя дух, приглядел сухое деревце, зачахшее под высокими елями от недостатка света или жизненных сил, и взялся за топор.

Возвращаться оказалось труднее. Ноги скользили по мокрой земле. Пришлось одной рукой держать на своем загривке охапку хвороста, а другой цепляться за ветки, чтобы не улететь камнем вниз.

У ручья Джаркын решил отдохнуть. Присел на валун, подставил лицо солнцу. Радужные круги заплясали перед внутренним взором и, в одно мгновение собравшись вместе, предстали красно-желтой лягушкой.

– Напоминаешь о себе, – пробурчал старик под нос, засунул руку за пазуху, нащупал гладкий камень и достал свою неизменную спутницу. – Погрейся тоже или окунуть тебя?

Лягушка молчала, впитывая солнечные лучи в разно-

цветное тело. Они проходили многослойный агат насквозь, и он сиял изнутри, создавая иллюзию жизни. Полюбовавшись на свою драгоценность, Джаркын смочил лягушку водой из ручья, вытер о полу халата и снова спрятал. Новые мысли осенили старую голову, пока он возвращался к стойбищу. А что, если он пришел туда, куда звала его дорога? А что, если здесь он обретет дом, станет нужным людям и никуда больше идти не надо? Джаркын думал и прислушивался к себе: нет ли какого знака, что это так? Молчит лягушка. Молчит его разум, только сердце жаждет тепла и домашнего уюта – пусть пока чужого, от которого ночью хотелось уйти, а теперь нет – не хочется. «Будь как будет!» – решил Джаркын, поднял свою ношу и поспешил к юрте.

За ней вился дымок. «Ох, попадет мне, замешкался! Хозяйка, небось, сама дров набрала, пока я по горам карабкался». Так и вышло. Молодуха встретила недовольно, только головой кивнула, куда дрова сложить. Джаркын увидел облизанные водой толстые ветки и разломанные бревна, какие река выкидывает, наигравшись. Сложил свою охапку и обошел юрту, решив пока не мозолить глаза рассерженной женщине.

У входа, на одеялах, разложенных по кошме, полулежала другая женщина – старая и немощная. Она едва повернула голову, услышав подходящего. Джаркын подумал, что ей так тяжело от громоздкого головного убора, что белоснежной шапкой венчал ее голову. Но женщины ее возраста при-

вычно носили элечек. Без него ни одна не выйдет из юрты, тем более, когда гость в стойбище. Мутные глаза женщины смотрели сквозь, будто не видя. Но она похлопала ладонью по кошме, приглашая присесть, и Джаркын понял, что видит она его, и знает, что пришел он вчера.

– Здравствуй, мать, – поздоровался он и присел, скрестив ноги перед собой.

Женщина молча кивнула. Сзади прошла Бермет, на ходу предупредив, что больна свекровь, не разговаривает, не ходит, как второго сына потеряла.

Джаркын увидел, как при этих словах лицо матери потускнело. И было оно отмечено страданием, а теперь горе совсем опустило уголки бесцветных губ, потушило оживший был взгляд. Белая ткань элечека еще больше подчеркивала темноту лица женщины. Казалось, нет в нем ни кровиночки, даже щеки опустились, иссохнув от горя. Джаркын вспомнил свою Айтулин. Хоть и страшна стала она в старости – вся в морщинах, но живость в лице ее была. А у этой не лицо – маска! И не расспросишь, как так случилось, что двух сыновей лишилась.

Все больше загадок появлялось в этой семье! И живут отшельниками, да и странно как-то живут. «Не мое дело», – подумал Джаркын, а чтобы не молчать, стал рассказывать, откуда он пришел, не сказал только о дарах озера, боясь поделиться тем, какое сокровище носит с собой.

– Наше озеро называют Теплым. Оно священное! Боги

запретили людям пить его воду, скот поить, тревожить его светлые воды своими житейскими делами. Кто ослушается, будет наказан... — помолчал, вспоминая, как нарушил запрет, соблазнившись сокровищами, и что случилось с ним за это.

— А озеро какое? Большое? — спросила молодая хозяйка, которая, не прекращая своих дел, прислушивалась к рассказу странника.

Джаркын приосанился, возвысил голос:

— Огромное! С нашего берега только верхушки снежных гор видны и то, когда облака разойдутся или еще не приплывут из-за хребтов. А с другого берега и вовсе края воде не видно. Я, когда уходил, все смотрел, так и не увидел.

— А вода и правда теплая?

Джаркына аж передернуло от воспоминаний пронизывающего до костей холода, который сковал его, пока он добирался до берега.

— Нет, вода его холодная, такая, что тело ломотой сводит, если в него окунуться.

— Ты же сказал, что нельзя?

— Что нельзя? Купаться нельзя! Пить нельзя! Я на плоту плыл, потом перевернулся...

От вопросов Бермет стало не по себе. Джаркын недовольно заерзал, но тут увидел, как внимательно смотрит на него старуха. И тут ему пришло в голову: а не положить ли ей на грудь его лягушку? Ведь она спасла его самого от верной

гибели! И ей поможет! Но женщина вдруг закачала головой, будто поняла его мысли, но не понравились они ей. А Бермет, не заметив молчаливого разговора стариков, продолжала расспрашивать:

– А что ж его теплым зовут, раз вода холодная? У нас вон есть горячий источник. Вода в нем – точно молоко парное! В скале дыра, как чаша круглая, в нее ручейки стекают. Ата камнями обложил край, чтобы поглубже было. А у вас? Может быть, тоже где-то горячая течет, а в озере остывает? Раз большое оно, то и холодной становится.

Джаркын оторвался от глаз старой женщины, пожал плечами в ответ.

– Не знаю. Все может быть. Только Тенгри известно, какая вода и откуда втекает в озеро. Мы не знаем. Но люди рассказывают, что наше озеро наполнилось слезами несчастной девушки, которую забрал в свою юрту богатый старый хозяин. Она не хотела стать его женой и просила помощи у божественной Умай. И так она плакала, так горевала по своему дому, по родителям, что ее слезы заполнили озеро, и вода стала горячей и соленой.

– А с девушкой что стало? – не унималась Бермет.

– Девушка превратилась в лягушку!

– Как так?

– А вот так! В народе рассказывают, что Тенгри забрал ее на небо и подарил Умай. А богиня превратила ее в лягушку и приказала взбивать эликсир бессмертия.

– И что потом?

– Потом... Тенгри стало жалко бывшую красавицу, приласкал он ее. Умай увидела, как супруг гладит лягушку по зеленой спинке, и, разозлившись, превратила ее в камень и сбросила вниз.

Глаза Бермет расширились от страха.

– И Тенгри не спас ее?

– Может и спас! То нам не ведомо.

Каменная лягушка... Вдруг Джаркына осенило! И как он раньше не догадался! У него на груди сидит та лягушка! Как она попала в сундук с сокровищами? Не подарок Тенгри был тот сундук, а приманка! Вот ведь какая штука случилась! Тенгри угодно было спасти девушку-лягушку, он и послал ее в том сундуке ему в искушение!

– Вай, вай, какой осел, какой глупый осел...

Бермет удивилась.

– Кто осел?

Джаркын только отмахнулся. Встал и пошел к бурной реке, чтобы без лишних глаз и ушей выплеснуть свое раздражение и подумать, как дальше жить.

Река неслась с гор, рыча и скалясь пенной пастью, разбрызгивая мутную слюну, как бешеная собака. Гул воды, влекущей за собой камни, оглушал, и мир казался заключенным в этом неистовстве природы, порожденном всеми стихиями: жаром солнца, растапливающим льды; напором ветра, создающим хаос; метаморфозой воды, умеющей быть

и твердой, и жидкой; и терпением земли, отдающей свою плоть под ложе безумной.

Оглушенный рокотом воды, Джаркын стоял на берегу, поросшем травой и усыпанном камнями. Он качался в такт движению воды, одновременно боясь ее и желая, как в страсти. Не выдержав внутренней борьбы, он сел на камень и закрыл уши. Кровь пульсировала в висках, и Джаркын слышал ее голос на фоне приглушенного воя реки. Прямо перед глазами вода уходила под валун и тут же выплескивалась из-под него с пенным гребнем. «Сучит лягушка лапками, взбивает эликсир бессмертия! Вдыхай его! Пей его! Омойся им! Обнови свое тело снаружи и внутри! Очисти свою душу от страданий, накопленных за жизнь! Забудь все, что было! Живи новой жизнью!» – не его слова звучали в голове. Джаркын убрал руки – и неистовый гул заглушил их; прижал уши ладонями – и они снова зазвучали. «Сучит лапками, сучит...» – Будь ты проклята! – закричал старик.

Трясущимися руками он достал каменную тварь и замахнулся... «Сучит... сучит... взбивает... бессмертие... живи...» Не в силах исполнить свой мгновенный порыв, Джаркын опустил руку.

Чужая рука легла на плечо. Она была горяча. Она была тяжела.

– Ата, эне зовет...

Тихий голос Бермет заглушил и вой реки, и монолог лягушки. Джаркын обернулся. Девушка отшатнулась. Так

страшно блестили глаза странника, до того казавшимся робким ягненком.

– Эне...

Джаркын всхлипнул, перевел дух, засунул лягушку за пазуху.

– Пойдем, дочка, пойдем, – с жаром ответил он, успокаиваясь.

Старая женщина полулежала, облокотившись на подушки. Пока Джаркын с девушкой подходил к юрте, она не спускала с них глаз. Разволновал ее этот неожиданный гость, увидела она в его глазах тайну, которая тяготит его не менее чем ее саму смерть сыновей. Захотелось ей поговорить с ним, послушать его историю и рассказать о своей боли.

Когда они подошли, старая хозяйка отослала невестку, а старика пригласила присесть рядом.

– Кто ты, человек? С какой бедой пришел?

Джаркын едва разобрал слова, произнесенные тихим голосом. Видать, нелегко ей было открыть рот после долгого молчания. Невестка, вставшая поодаль и услышавшая речь свекрови, прижала руки к груди и забыла куда шла и зачем, но быстро спохватилась и вернулась к своим делам.

Джаркын все рассказал! Облегчил душу – и дышать стало легче. Вынул свою лягушку и положил на колени женщине. Она подняла ее слабыми руками, повертела, рассматривая; вернула на колени, но рук не убрала – так и держала ими агатовую красавицу, словно грела ладони о ее красные бока.

– Бог тебе чудо послал – оберег, который дарует здоровье и долголетие!

Женщина сомкнула уста, а в глазах отразилось озарение. Джаркын обрадовался: и она догадалась, не все в легендах сказки! Вот она – девушка-лягушка! Упала в Теплое озеро, наполненное ее же слезами. По воле Тенгри и Умай вернулась к людям. И надо же было так случиться, что попала она в руки к нему – старому пастуху!

Снова зазвучали в ушах чужие слова: «Сучит лягушка лапками, взбивает эликсир бессмертия! Вдыхай его! Пей его! Омойся им! Обнови свое тело снаружи и внутри! Очисти свою душу от страданий, накопленных за жизнь! Забудь все, что было! Живи новой жизнью!..»

Женщина погладила камень, мудрыми глазами посмотрела на гостя.

– Забудь беды, иди туда, куда сердце ведет, куда она зовет, – кивнула на сокровище. – Ты – счастливый человек! Вырастил дочерей, замуж их отдал, где-то растут твои внуки и правнуки – род твой, хоть и по женской линии, а продолжается. Жена твоя тоже не зря жизнь прожила, а что умерла так – значит, суждено, значит, время пришло. На себя взяла она и твой грех, и свой. Теперь ты свободен, можешь новую жизнь начать. Мужчине это легче. – Она помолчала, собираясь с силами. – А мне что делать, скажи? Детей нет, внуков нет, невестка одинокая, молодая, телом ласки жаждет, силы мужской, детей рожать хочет...

– Ты ее сосватай, мать, – неожиданно для себя, Джаркын перебил женщину.

– Как это сосватай? За кого? Кому она нужна вдовая?!

– А ты встань на ноги, походи по стойбищам, людей поспрашивай, может, где такой же вдовый мужчина есть, хозяйка ему нужна, мать его детям. А твоя Бермет – кровь с молоком! Каждому приглянется!

Помолчали. Каждый о своем подумал. Да Джаркын не стал скрывать своих мыслей.

– Не дело это, невестке со свекром шашни водить. Баловство и все тут! Да и семени у него уже нет, знаю, что говорю! А так и незачем женщине голову морочить. Отдай ее хорошему мужчине – в силе – пусть детей рождает.

– А кто ж за нами ухаживать будет? Я с хозяйством не справлюсь, да и мужу помощник нужен. В этом году у кобылиц хороший приплод случился. Кулук все с табуном возится, не всегда на ночь возвращается.

Джаркын пожал плечами.

– Не знаю, мать, но у всякой загадки есть отгадка. Думать надо. Приютите какого мальчишку бездомного – сколько их по дорогам ходит, да умирает без еды, без материнского ухода. Вот и будет вам и помощник, и наследник.

Женщина вскинула глаза на гостя. Не ожидала такого. И не думала никогда о бродягах. Жили они отдаленно от караванных троп. Даже зимнюю стужу переживали вдали от людей. Надо мужа спросить, он по осени ходит на боль-

шую дорогу, обменивает кое-что на посуду, ткани.

– Вот и поговорили, – ласково закончила разговор хозяйка. – Возьми свою лягушку. Она и правда волшебная – мне сил придала.

– Оставь пока у себя до моего ухода. Если позволишь, я еще одну ночь у вас побуду.

– Побудь.

– А где горячий источник, о котором Бермет говорила?

– Она проводит. Бермет! – окликнула невестку. – Там хорошая вода, горячая, и вещи чистые возьми – мой сын был такой же щупленький, подойдут...

Бермет притушила огонь в очаге, только уголья перемигивались красными всполохами, но сил разгореться не хватало, так и светились в ожидании новой порции дров, чтобы накинуться на сухую древесину, разойтись по ней, заалеть высоким пламенем!

– Идем, – позвала коротко старика, а молодой пес сам увязался за хозяйкой.

Пошли они берегом реки, поднялись на лысый холм, обошли его по проторенной тропе и снова спустились к реке. Бермет села на поваленное дерево, а гостью кивнула на скалу, которая каменными ногами спускалась прямо в бурлящий поток.

– Лезь туда. Вещи здесь оставь, я посижу тут, пока ты купаться будешь.

Джаркын отошел, насколько тропа позволила, и оглянул-

ся: девушка сидит боком, соломинку прикусила, смотрит на воду. Он скинул вещи, чистые положил рядом и, как есть нагой, пополз наверх. А там пар виден – висит прям над гро- том. Как ближе подобрался Джаркын, так и дух захватило. Большая чаша в скале, и доверху наполнена водой, от нее и пар поднимается. Перелез Джаркын через край и опустил- ся на дно по самые уши.

– Уф! Хорошо-то как!

Вода оказалась в меру горячей. И места много. Джаркын вытянулся, расслабился, закрыл глаза. Снизу по телу стру- ятся ручейки, пузырьки воздуха облепили иссохшую кожу, ласкают ее, как девичьи пальчики. Джаркын перевернулся на живот, подгреб ближе к краю, оперся на руки и будто пте- нец смотрит из гнезда, любитесь елками, которые на другом берегу растут, синими цветами, облепившими край скалы, парящим ручейком, стекающим в реку из чаши, где он ле- жит. Так и лежал бы здесь!

– Эй! – Бермет снизу машет. – Хватит, пошли уже, скоро ата вернется, мне хозяйничать надо.

Как ни сладко было в воде, а все когда-то заканчивает- ся! Вылез Джаркын, и сразу холод пробрал до мурашек. Это в воде жарко было, а снаружи ветер – дело-то к вечеру! Джар- кын спустился быстрее, чем залез наверх, облачился в чи- стое, собрал свои пожитки и, запахнув халат потуже, чтобы принятое тепло не так скоро растратить, обновленный пошел за женщиной.

Глава 3. Уроки пути

III век, Согдийские горы

Мир меняется! Он меняется на глазах! Горы меняются, люди, сам воздух меняется! Джаркын сделал открытие. И это потрясло его. Раньше он слышал рассказы о других землях, о других людях. Он и видел других людей, идущих с караванами – одетых, не как они, с горбатыми носами, длинными бородами, а каких и с волосами цвета спелого ячменя, с глазами цвета неба. Но Джаркын не видел, как меняется мир. То, что он слышал, воспринималось сказкой, песней, какие поют бродячие певцы. Но в них не рассказывалось о том, что горы могут быть разные, что на самом деле есть долины, которым не видно конца. А теперь он сам увидел это и понял, что и люди становятся разными в зависимости от того, у каких рек они живут, какую воду пьют, каким воздухом дышат. Вот он сам – жил среди гор, поросших высокими елями. Не каждый куст или дерево могло выжить под их густой хвоей. Корни исполинов Небесных гор, едва прикрытые почвой, раскидывали свои плети далеко вокруг ствола. В ненастье ели качались от ветра, стеноя и охая от каждого порыва, внушая человеку страх и уважение к их силе и стойкости.

А в этих горах, среди высоких скал и желтых холмов которых он оказался, нет деревьев его родины! Но появились другие, хоть и уступающие им в высоте, но тоже источающие

хвойный аромат. Только не иглы облепляют корявые ветви, а ажурная зеленая вязь, которую ни листьями не назовешь, ни хвоей. Вокруг этих деревьев растут кусты или низкорослые деревья с плодами. Пробовал он некоторые и раньше. Растет здесь терпкая, с кислинкой, алыча, то желтая, словно налитая солнцем, то темно-красная, впитавшая вместе с соками земли ее цвет. Коричнево-красные капли плодов с мягким вкусом гроздьями висят на ветках боярышника. Местами попадаются они же, но крупные, желтые, похожие и формой и вкусом на яблоки.

Джаркын утолял голод дарами природы и вспоминал ароматные ягоды своих гор – смородину, облепиху, малину, землянику. Но здесь вдоль берегов бурных рек ему попадались колючие заросли ежевики. Не малина – черна, как ночь, но вкусна! Только все руки поцарапаешь, пока наберешь горсть.

Присев отдохнуть у ручья, в редкой тени молодого деревца тала, Джаркын достал кусок сухого круглого хлеба, которым угостила его хозяйка одного из глиняных домов небольшого кишлака, притулившегося у входа в ущелье. Помакав хлеб в воду, путник не торопился есть, подождал, когда хлеб размягчится, и только потом откусил. Ягоды ягодами, а то, что сотворено руками людей, несет в себе их силу, их настроение. Та женщина, которая угостила хлебом, хоть и была уставшей от повседневных хлопот по хозяйству, но через ее натруженные руки хлебу передалась природная доброта.

Джаркын намочил хлеб еще раз и только прикоснулся губами к пахнувшей землей мякоти, как за спиной раздалось пофыркивание. Джаркын оглянулся. Пожилой человек в свободных одеждах, когда-то, видимо, бывших белыми, а ныне впитавшими в себя пыль летних дорог, остановился со своим ослом и, как показалось Джаркыну, ласково смотрел на него.

– Здравствуй, ата, – приложив руку к груди, приветствовал его Джаркын, – присядь, отведай хлеба, который мне дала добрая женщина.

– Спасибо, сынок, я сыт, но от глотка воды не откажусь.

Старик перекинул ногу через шею своего длинноухого возницы и встал на ноги. Освободившись, осел отошел в сторону и принялся жевать сухие кустики трав. Старик присел на камень рядом, а Джаркын опустил кожаный сосуд в реку; дождался, когда из горлышка выползли все пузыри и полный подал страннику, между тем рассматривая его.

Стар, да, стар! Редкая седая борода отдельными прядками доходит ему до груди. Струйки воды стекают по волнистым волосам прямо на край простого холщового халата, за которым виднеется ворот рубахи. Голову странника закрывает круглая валяная шапочка с острым, как пика, навершием.

Утолив жажду, старик облизнул губы, давно потерявшие алый цвет. «Не так уж стар я, если посмотреть на этого человека», – подумалось Джаркыну. Старик вернул бурдюк, вздохнул, положив руку на колени.

– Молодыми мы и не задумываемся, что вкушать пищу –

это тоже труд, – с улыбкой сказал он.

– Ваша правда, – согласился Джаркын. Помолчал и вежливо поинтересовался:

– Давно вы в пути?

Старик прищурился. Морщинки у глаз сгустились, а самих глаз и не увидеть под кустистыми бровями, такими же седыми, как и борода.

– Нет, добрый человек, я еду от сына – он там, на холмах овец пасет. Еду в свой кишлак, за ту гору, которая здесь смотрит на нас стеной скал! А наш кишлак как раз стоит у ее подножия, с другой стороны.

– А-а, – понимающе протянул Джаркын.

– А ты, я вижу, не из наших краев?

– Не из ваших. Оттуда пришел, из-за гор.

– А-а! – удивился старик. – В дальний путь отправился без поклажи? Или растерял все по дороге?

– Что-то потерял, что-то нашел, – уклончиво ответил Джаркын.

Тень от дерева передвинулась, и жаркое солнце припекло спину. Джаркын встал, наклонился к воде, зачерпнул горсть и плеснул себе в лицо. Растер шею. Почувствовав живительную силу воды, улыбнулся.

Старик все смотрел на него.

– Свободен ты! – сказал вдруг. – Легко идешь, нет за тобой груза, о котором думал бы с тоской и заботой.

– Это так, ата. Ничего там не осталось – ни дома, ни жены,

ни детей. Даже собаки нет. Иду легко, только куда – не знаю.

Старик тоже встал. Джаркын поймал его осла за повод, подвел ближе, помог на него взобраться.

– Ты не бродяга, вижу я. Если хочешь мудрый совет получить, иди в гору, – посоветовал он и кивнул на тот скалистый кряж, что всей своей массивностью загораживал небо вдаль от сая, – туда ведет тропа, прямо к пещере, в которой живет отшельник. Сколько он там живет, никто не знает. Я еще ребенком был, а его уже почитали как мудреца! Поднимись к нему. Но знай: старец суров, но, если что посоветует, так и сделай. Ему открыта истина!

Сказал так, пнул осла пятками и потрусил дальше.

Джаркын вернулся к саю, снова присел в тени. Но от блаженного настроения, которое до встречи со стариком так грело душу, не осталось и следа. Шел себе, шел, даже забыл о былых думах – куда, зачем идет, и надо же было так случиться, что несколько слов со случайным человеком вновь озадачили. Джаркын в сердцах сплюнул. Что так растревожило? Что такого сказал старик? Ничего... ничего такого. Просто напомнил о былом горе. Но раздосадовало не это. А то, что не смирился он, Джаркын, с судьбой, что не оставили его вопросы о смысле его дороги, только спрятались на время, как злополучная лягушка за его рубахой!

Джаркын посмотрел по сторонам. Никого! Только воздух – горячий, напоенный ароматами трав – колышется вдаль. Джаркын достал свое сокровище. Опустил лягушку в во-

ду, раскрыл ладонь, давая прозрачным струям омыть все ее каменное тело. Держал руку, пока ее чуть не свело от холода. Ледники, питающие сай, далеко, а вода так и не прогрелась, так и бежит студеная, так и хранит дух высокогорья.

– И ты хранишь дух Теплого озера, и мой впитываешь. Может быть, мы с тобой теперь родня? Никого я так долго не прижимал к своему телу, как тебя, – высказался Джаркын.

Лягушка молчала. Влага с ее красноватых боков быстро испарилась, а солнечные лучи пронзили насквозь, и заиграл камень внутренним светом, засветился, как глаза барса.

– Ладно уже, поиграла и хватит! Иди назад, а то еще кто увидит, не миновать беды.

Лягушка заняла свое место за рубахой, у самого пояса. Джаркын долил воды в свой небольшой бурдюк, припрятал его и остатки хлеба в свернутый халат, увязал его веревкой покрепче, пристроил на спине и пошел в гору – туда, где, по словам случайного путника, жил древний старец, знающий истину.

– Пусть расскажет, куда мне идти! А не расскажет, хоть посмотрю на него. Никогда не видел мудрецов...

За все время пути Джаркын окреп, его тело не проявляло никаких признаков болезни или старости, он словно вернулся в те годы, когда молодым бегал по горам. Вот и сейчас ему шлось легко. Тропинка вилась по холмам, поросшим садами, перебегала через ручьи, бьющие из-под земли, огибала скалистые участки и все круче поднималась ввысь. Вскоре она

пропала под каменными осыпями и почти не появлялась. Зато громада скального массива нависла над человеком, пугая его высотой отвесных стен и порывами ветра, время от времени вылетающего из-за нее.

Останавливаясь, чтобы перевести дух, Джаркын с восхищением разглядывал исполинские головы, вырубленные за сотни лет водой и ветром в крайних камнях скального массива. Казалось, сам бог наблюдает за человеком, осмелившимся подойти так близко к стенам его жилища. Кто знает, может быть, за этой гигантской стеной, все выше уходящей в небо по мере приближения к ней, стоит дворец Тенгри, в котором он тешится со своей возлюбленной Умай?! Джаркын ощущал трепет в душе от таких мыслей и снова шел вперед, глядя себе под ноги и обдумывая каждый шаг. На сухой земле, усыпанной мелкими камнями, легко поскользнуться и улететь вниз. Но не зря Джаркын вырос в горах! За всю свою долгую жизнь он изучил их нрав, узнал об опасностях и очень уважал этих исполинов земли, путь к которым под силу не каждому смертному. Наверное, горы понимали его, и потому он, хоть и не без труда, но поднялся под самые скалы и вышел на тропу, идущую у их подножья.

Прежде чем продолжить путь, Джаркын присел отдохнуть. От жары, которая парила внизу, остались лишь воспоминания и свернутый в рулон халат. Здесь же студеный ветер теребил взмокшую рубаху, забирался под нее и охлаждал до костей. Облачившись в халат, Джаркын посмотрел вле-

во, вправо, решая, в какой стороне находится жилье мудреца. Сомнения, появившиеся еще в пути, теперь обрели силу. Кто в здравом уме станет здесь жить?! Эх, послушал первого встречного, потащился в гору... Спускаться?.. Но гордость не пускала в обратный путь. Как же, повелся на речи незнакомого старика, взобрался так высоко и идти назад, вот так, не узнав истины?! Одно пугало – солнце спряталось за скалами, скоро стемнеет, спускаться в темноте опасно, а оставаться на ветру на всю ночь... пережил он не одну такую! От воспоминаний холодок прошел по спине.

Сверху упали камешки. Джаркын испугался и прижался к скале, опасливо поглядывая вверх. Никого. А скалы подпирают небо острым гребнем. Ох, высота! Но куда же идти?.. Влево дорожка показалась шире, и Джаркын пошел по ней, сам обратившись в слух. Мало ли! Даже самый маленький камешек, прилетевший с такой высоты, пробьет голову, и все. С такими мыслями хотелось бежать, но каждый шаг Джаркына был осторожен. Вся правда – в ногах! Потому ступать надо твердо и наверняка. Это он усвоил еще мальчишкой.

Шаг за шагом добрался Джаркын до конца дорожки. Дальше – крутая осыпь. А воздух все холоднее, все темнее вокруг. Вот ведь глупая башка! Зачем полез?! В сердцах Джаркын ругал себя всеми бранными словами, которые знал. И вдруг уловил запах горящих дров. Теплый, он нес весть о присутствии человека. Джаркын принюхался, как собака. Запах ог-

ня шел сверху. А перед самой осыпью – скала, и ее каменное тело так выщерблено временем, что по ней можно подниматься, как по ступеням. Джаркын решил влезть по ним. Приподняв полы халата, он заткнул их за пояс и полез. Ладони так прижимались к шершавой поверхности, что не отдрать! А каждый шаг Джаркын впечатывал и вставал на ногу, только уверовав, что не соскользнет, что крепко стоит. Последняя ступень оказалась высокой. Джаркын уцепился за края камня обеими руками, подтянулся, налег грудью, приподнялся на носочки и вполз на площадку, за которой увидел освещенную огнем вертикальную щель.

На сердце сразу отлегло. Подумалось, что, вот, зря на человека злился – не соврал, не обманул, а он подумал о нем плохо. Почему так бывает? Тебе плохо и сразу ищешь того, кто в этом виноват? Загадка... но некогда ее отгадывать. Все мысли Джаркына устремились внутрь пещеры, где его ждали ответы на другие, более важные для его жизни вопросы.

Что-то не давало войти в пещеру отшельника. Джаркын как встал в проеме, так и стоял, не решаясь сделать следующий шаг. Спину холодил ветер, сумерки быстро потускнели, и ночь воцарилась над миром. А в пещере уютно горел огонь, блики которого затеяли пляску с блуждающими тенями на ее вогнутых стенах. У огня сидел старец. Он смотрел на трепещущие языки пламени и казался изваянием, каменным созданием природы, но лишь до тех пор, пока не склонялся над костром, мешая варево в котле.

– Входи, если человек, – прозвучал голос старца. Он был низок и спокоен. Так мог говорить только тот, кто уверен в своей защите и не боится ни людей, ни демонов.

Помедлив, Джаркын вошел. Тепло от огня дохнуло в лицо. Джаркын сглотнул вязкую слюну и произнес:

– Здравствуй, отец! Позволь присесть у твоего очага.

– И ты будь здоров! Садись, раз вошел.

Джаркын опустился на каменный пол, подоткнув под себя полы халата. Свернув ноги калачиком, он протянул озябшие руки к костру и хотел было сказать, как хорошо у огня, но запнулся на полуслове. Тяжелый взгляд из-под кустистых бровей пробрал до мурашек. Джаркын опустил глаза, но чувствовал взгляд мудреца всем своим нутром.

– Что глаза прячешь? Не с лихом пришел, вижу, что ж тогда?

– Пронзительно смотришь. Смущаешь.

Старец расхохотался. Его смех поднялся к потолку пещеры и гулким эхом убежал куда-то вглубь, откуда веяло прохладой и неземной тишиной.

– Смутил тебя?! Давно не слышал от людей таких откровенных слов. Все юлят, а ты честен. Что ж, говори, зачем пришел.

Джаркын задумался. Что сказать? Он хотел услышать какой-то совет, что-то такое, что вдруг озарит его, придаст жизни смысл, а его пути – цель. Как сказать об этом в двух словах?..

– Молчишь? – старец кивнул, поджал губы. Редкая седая борода дернулась, а длинные волосы не шелохнулись. – Тогда давай, что принес.

Лягушка у пояса словно поскребла лапками. Джаркын испугался, что покажи он ее, мудрец примет драгоценный камень за дар ему, и решил не торопиться, достал оставшийся кусок лепешки, протянул вежливо.

– Нет у меня ничего более.

Старец бережно взял хлеб, понюхал, поднеся к самому носу.

– Хлеб пекут добрые руки. С добром ты пришел. Спасибо! От таких слов Джаркын растерялся.

– Беден я, в дороге ем, что люди подадут, кто за работу, кто просто от доброты душевной. Хлеб мне женщина дала, просто так дала. Этой ей твое спасибо.

Старец опять кивнул. Опустил палочку в свой котелок, вынул, лизнул ее, почмокал, проверяя варево на вкус. Видимо, решил, что оно готово.

– Помоги мне, сними котел с огня, и садись ближе. Кушать будем. Твой хлеб, мой суп!

Трапезничали молча. Суп у старца оказался из корешков и кусочков сушеного мяса, а аромат от него был от каких-то неизвестных Джаркыну трав. Терпкий, с густым вкусом, суп согревал тело изнутри, и то тепло придавало силы. Макая разломленную лепешку в варево, они оба смаковали ее, обсасывая и тщательно пережевывая. Когда хлеб закончился,

а суп остыл, гость и хозяин по очереди допили его, полакомились кусочками мяса и пустой котел отставили в сторону.

Приободренный расположением старца, Джаркын освоился, первое смущение прошло, и он, подложив в огонь увесистую палку от пахучей арчи, подсел к лежанке, на которую перебрался мудрец, и решился наконец рассказать о себе.

– Жил я на берегу Теплого озера. Не скажу, что жил хорошо, но и не плохо, это так. Думал, так и проживу жизнь, так и умру в своей юрте и будут мои косточки лежать в родной земле. Но не случилось. Бог послал мне испытание...

Джаркын сам не заметил, как язык его стал красноречив, как полно он описал и свое озеро, и тот сундук с богатствами, и свое горе, постигшее его вскоре. Старец слушал гостя с закрытыми глазами, только изредка, когда пронзительность рассказа поражала его, он поднимал веки и рассматривал чужеземца. Когда Джаркын достал из-за пазухи свою лягушку, мудрец поднялся и сел, опустив ноги с лежанки. Каменное тело лягушки вбирало в себя жар огненных всполохов и сияло, меняя цвет, то желтым, то красным светом, и завораживало.

Старец взял лягушку в руки.

– О! Красива и сильна любовью! – восхитился он. – Тебе бог послал источник бессмертия, странник. Ты знаешь об этом?

Джаркын растерялся. Он уже понимал, что лягушка дает силу жизни, возвращает здоровье, но бессмертие... Неужели

в небесных чертогах она впитала божественный эликсир?..

– Вижу, не знал, – усмехнулся старец. – Так знаешь теперь! – он испытующе посмотрел на гостя. – И что будешь делать?

В душе Джаркына бушевало пламя соблазна. Стать бессмертным! Он и не мечтал об этом! Уф, горячая волна подкатила к горлу, и Джаркын открыл рот, ощутив нехватку воздуха. Смех старца отрезвил его. Пелена соблазна спала, и Джаркын укорил себя за слабость.

– Ты был стар, но не успел понять, что жизнь должна заканчиваться, и тогда, когда приходит срок. Бессмертие – удел избранных и тяжкое бремя. Да... – он пошамкал губами и прилег, отпустив лягушку. – Она уже дала тебе сил на еще одну жизнь, а может быть, и больше, не знаю. Хватит тебе, чтобы устать.

Джаркын заволновался. Он почувствовал момент истины. Это ощущение родилось в нем сразу, и, как бабочка, вышло из кокона и взлетело, махая мокрыми крыльями.

– Отец! – воскликнул он в сердцах. – Укажи путь! Скажи, куда мне ее отнести, куда ведет меня эта лягушка?

– Путь? – строго спросил старец. – Я не знаю твоего пути, да и никто не знает, кроме тебя. Сегодня ты прошел свой путь. Вспомни его. Ты блаженствовал у воды, добром вспоминал женщину, угостившую тебя хлебом. Потом ты, услышав совет первого встречного, пошел в гору. Ты шел легко, наслаждался красотой. Что тогда ты ощущал?

– Я... я был счастлив, ата. Мне было хорошо.

– Да, красота мира – это дар бога! А любовь в наших сердцах – это благодарность ему за этот дар! Ты думал об этом?

– Нет, не знаю, нет, я не думал о любви, ата.

Старик вздохнул.

– Мало кто думает. Ты честен. Это твое спасение – честность! Не теряй этого дара. А о любви думай. Ты любишь мир, любишь жизнь. Люби бога! Не бойся его, а люби.

– О каком боге говоришь ты, мудрец? Я прошел немало троп и видел, что люди чтят разных богов.

– Ты еще мало видел! – мудрец, казалось, потерял интерес к разговору. – Но, что бы ты еще не увидел в пути, знай – бог один! Люди разные.

Джаркыну еще предстояло понять слова мудреца, пока он только внимал, стараясь запомнить все, что тот ему говорил. А старик вернулся к его пути в пещеру.

– Когда сады закончились, а подъем стал круче, ты почувствовал трудность пути, но не повернул обратно. Почему?

– Я хотел узнать истину...

– Все наивны. Все хотят узнать истину. И никто не знает, что узнать ее – это пройти свой путь, а не услышать слова старика, о котором забыл бог. Понимаешь ты, человек, что такое истина?

Джаркын замер. Он не думал о том, что есть истина, он, как и все, хотел ее знать. Но... Старик покачал головой.

– Не понимаешь. Ладно, вернемся к твоему пути. Когда ты

карабкался по крутой осыпи, когда шел, не зная куда, был ли ты уверен в правильности своего пути? Не поминал ли ты грубым словом того, кто указал тебе его?

Джаркын еще раз раскаялся в том, что незаслуженно ругал того старика на осле, который рассказал ему о мудреце. Старец не ждал его ответа, он, казалось, в тот момент шел рядом с ним и знал все его думы.

– Вот так поступают с советчиками! Человек всегда ищет оправдание своим поступкам за своей спиной. Думай сердцем! Слушай только его – свое сердце! – и тогда ты не будешь терзаться сомнением, а все поступки будут только твоими и ответственность за них тоже.

– Я понял, ата, – поблагодарил Джаркын, склонив голову и приложив руку к сердцу.

Старик улыбнулся.

– То-то! А про свой путь понял?

Джаркын сознался:

– Я только догадываюсь, ата.

– Хорошо, – подбодрил старец, зевнув. – Давай спать. Устал я.

В серой холщовой рубахе до пят, расправив плечи и раскинув руки в стороны, стоял старец на площадке перед пещерой, не боясь утренней свежести и пронизывающего ветра. Воздух звенел от ожидания. Пурпурное небо светлело. Солнце, еще скрытое от глаз горизонтом, одним своим приближением прогоняло тьму и ее тени, пытавшиеся спрятать-

ся под покровом зари. И вот произошло чудо! Макушка светила показалась над просыпающейся землей! Старец воздел руки к самому небу и восславил жизнь и свет!

Джаркын внимал ему с душевным благоговением.

– Давно ты здесь, ата?

Старец, казалось, не слышал вопроса. Он ворошил остатки кострища, пробуждая заснувшие искры к жизни.

– Воды принеси, – попросил он коротко и кивнул вглубь пещеры.

Джаркын взял бурдюк и пошел, не спрашивая более ничего. Через несколько шагов остался рассеянный свет за спиной, а впереди была мгла. Куда идти? Джаркын остановился и прислушался. Где-то в глубине пещеры шумела река. Но как добраться до нее в темноте? Да и далеко она по звуку. Лоб покрылся испариной. Джаркын утер его тыльной стороной ладони, крепче сжал горлышко бурдюка, но покачнулся и облокотился на стену пещеры. Она оказалась влажной. Джаркын потрогал стену – так и есть! – мокрая! Он прислушался, склоняясь ухом ближе к стене, и вдруг на фоне далекого гула отчетливо распознал капель. Джаркын присел, потрогал пол вокруг себя; ближе к стене ладонь погрузилась в лужу. «Ага! – смекнул он. – Где-то здесь старец набирает воду!» Слабый свет от грота, где жил мудрец, едва доходил до этого места, и, когда глаза привыкли к темноте, Джаркын различил блики на поверхности воды. Она стекала многочисленными ручейками со стены в глубокую выемку в кам-

не. Опустив в нее бурдюк по горлышко, Джаркын набрал воды и, довольный своей смекалкой, вернулся к старцу.

Они позавтракали куртом и травяным чаем.

– Откуда у тебя еда, ата? – любопытство так и распирало Джаркына.

– Люди приносят.

– Часто к тебе приходят?

Старец усмехнулся.

– Не часто, но с голоду умереть не дают. Ко мне несколько дорог. Ты пришел из одной долины, а можешь выйти в другую, если крутизны гор не испугаешься.

Джаркын согласился и засобирался в путь. Старец благословил его и показал дорогу наверх.

– Можешь той тропой пойти. Подниматься легче, чем спускаться.

На прощание мудрец сказал:

– Твоей ноше место у воды, а где оно, мне неизвестно. Слушай сердце – не ошибешься.

– Спасибо, ата! Прощай!

Мудрец не ответил. Казалось, он уже забыл о незваном госте, погружившись в свои думы.

Джаркын обошел скальную стену по тропе, которая сначала шла под самой скалой, а потом повела наверх. Местами она была так крута, что дух захватывало, но Джаркын шел уверенно и вскоре выбрался на самый верх.

Он стоял на краю высокогорной долины, похожей на ги-

гантскую подошву сапог, которые словно перевернул мифический великан и оставил лежать наклоненными от пятки до носка. Пятка уходила вниз, а носок, задранный кверху, обрывался скальным массивом. Стоять у края скалы было страшно. Джаркын упал на колени и пополз прочь, но любопытство оказалось сильнее страха, и, развернувшись, он вернулся к обрыву – ползком, как ящерица! И какой простор открылся взору!

Прикрытая легкой дымчатой вуалью, желтела внизу широкая долина. Серебристая лента реки украшала ее, словно драгоценный пояс, небрежно брошенный красавицей. Очертания далеких горных хребтов то скальными, то более мягкими снежными изгибами очертили голубое небо, разграничив миры людей и богов. От головокружительной высоты тошнота подобралась к горлу. Джаркын сглотнул и, сморгнув слезы восхищения, отполз назад.

Вниз он шел вдохновленный красотой природы, его сердце наполнила любовь ко всему миру. Стоило пройти весь путь, чтобы понять, что жизнь – это счастье. Джаркын сиял от радости и таким счастливым он пришел в кишлак на берегу сая – похожий на все другие, но все же не такой, как все. «Люди тоже так: у всех есть голова, руки, ноги, но все разные», – подумал он и прошел мимо человеческого жилья, желая молча и в одиночестве наслаждаться тем, что теперь жило в его сердце.

Глава 4. Караван кушанской принцессы

Дорога, идущая вдоль реки, нырнула в узкое ущелье. Джаркын остановился, почувствовав тревогу. Здесь, среди холмов, кое-где увенчанных скалистыми гребнями, еще ощущался простор. Солнечный свет заливал и дорогу, и реку, и пожухлые за лето травы. Отражая золотистые блики гладкими блюдцами, пенясь на взмывах, убегая непоседливыми струями от каменистых берегов, вода текла быстро, но ее говор был приветлив. Из ущелья же слышался ворчливый рокот реки, зажатой между двумя скальными стенами, пронзающими острыми изгибами небо. Свет едва касался середины одной из них, но и он убегал по нависающим над дорогой камням все выше и выше, вслед за уходящим днем.

Джаркын сошел с дороги и присел у воды. Весь путь от Теплого озера он старался держаться малохоженных дорог. Непокойны люди! Одни воюют между собой, другие грабят караваны, третьи охочи и до одинокого странника, у которого за душой ничего, разве что камень – подарок Священного озера. Рука сама потянулась к животу, где за холщовой тканью рубахи почивала заветная лягушка. Согретая телом, она прилипла к его влажной коже и едва ли не срослась с ним. А что если у ворот, разделяющих ущелье по-

полам, кому-то придет в голову обыскать его? Отберут лягушку! И что тогда? Зачем он здесь без нее? На лоб скатились капли пота. Джаркына окатил такой жар, что хоть впопугу лезть в воду. Он наклонился и зачерпнул пригоршню холодной воды. Омыв лицо, старик почувствовал облегчение. Вода несла в себе не только прохладу, но и силу, дарованную богами. Эх, сейчас бы окунуться всем телом, почувствовать и холод, и жар от этих бегущих струй! Но... нельзя! По дороге, вздымая пыль, идут люди, лошади, ослы, верблюды. Джаркын вздохнул тяжело. Вдруг вспомнилась одинокая юрта в горах. Молодая женщина, тело которой истосковалось по крепким мужским рукам, а душа по нежности младенца. Эх... Остаться бы там, да и жить тихо и мирно. Пасти коней...

Возмущенное ржание коня разорвало тонкое покрывало мечтаний. Джаркын увидел, как молодой воин повис на узде гнедого жеребца, передние ноги которого расчертили в пыльном воздухе широкую дугу. Убьет! Взбешен конь и видит перед собой врага! Джаркын подскочил и, как в молодости, не задумываясь, лишь следуя порыву, взлетел на спину непокорного скакуна как раз в тот момент, когда воин со страху отпустил повод и сел под нависшей грудью коня, обхватив кудрявую голову обеими руками.

Джаркын прижался к шее жеребца, зашептал заветные слова, ухватил болтающийся повод, потянул слегка, указывая направление. Конь послушно осел в сторону, встал

на красивые крепкие ноги, все еще возбужденно фыркающая и раздувая чуткие ноздри.

– Вот и хорошо, вот и славно, – шептал ему на ухо Джаркын, одной рукой мягко похлопывая по шее.

Когда конь успокоился, нерадивый воин отполз в сторону и побежал к дородному всаднику, наблюдающему все это со стороны. Богатая попона его коня, поблескивая золотыми и бирюзовыми пластинчатыми вставками, говорила о том, что всадник в высокой валяной шапке, из-под которой выглядывали густые черные кудри, высокого положения. Да что там – он главный в этом помпезном караване, в стороне ожидающем прохода через ущелье!

Джаркын слез с коня, не отпуская повод, обвел ищущим взглядом продолжающую движение людскую реку. Чей конь? Что его так взволновало?

От всадника подбежал человек.

– Иди за мной, тебя зовут, – сказал он, с опаской поглядывая на строптивного скакуна.

Джаркын повел коня, выпучившего глаза, как только натянулся повод.

– Бойтся. Что с ним случилось? – умиряя взволнованного жеребца, спросил Джаркын.

– Камни с горы посыпались, он встал на дыбы, а на нем сама принцесса ехала. Упала, бедняжка. Тот воин коня бил, вот он и ошалел.

– А-а! – понимающе потянул Джаркын. – А какая прин-

цесса?

– Единственная дочь нашего царя Канишки!

– О! – Джаркын понимающе вытянул губы трубочкой. – Жива?

– Жива, да, видать, ударилась сильно. Все за голову держится, стонет. Монах ее лечит.

– Какой монах?

– Да с ней монах следует, он молитвы читает, да только толку нет – стонет... Просветленный давно ушел в нирвану, не слышит людей...⁸

Посыльный смолк, как только они поравнялись с родовитым всадником, пристально рассматривающим чужака. Даже крутые завитки его бороды зашевелились змейками, словно пугая.

– Кто таков?

Джаркын поклонился. Коня у него забрали, отвели в сторону.

– Странник я. Иду издалека.

Всадник изучающе сощурился. Его взгляд, казалось, проник не только под рубаху, но в самую душу. Джаркын пожегся.

– Куда идешь?

– Да, куда ноги несут, – выкрутился Джаркын, кожей чувствуя теплое брюшко лягушки.

Всадник мельком взглянул на раздолбанные ичиги стран-

⁸ Просветленный – Будда.

ника. По ухмылке, пробежавшей по его губам, стало понятно, что поверил.

– С конями умеешь? – спросил прямо.

– Умею. С детства с ними.

– Пойдешь с караваном. Нам такой, как ты, нужен.

Развернув коня и слегка толкнув его бока мягкими складчатыми сапогами, строгий вопрошающий поехал навстречу караванному потоку. Слуга, который привел Джаркына, позвал за собой.

– А караван куда идет? – поинтересовался новоявленный конюх.

– Туда, – провожатый кивнул в ущелье, – в Страну Плодородных Долин!

Как только последний луч света соскользнул с верхушки скальной стены, караван встал. За ними не осталось никого, все, кто торопился, прошли узкие скальные ворота засветло. Быстро наползающая тьма заполнила ущелье. Военачальник решил, что эту ночь они проведут на этой стороне горной гряды, и только утром продолжат путь.

Свечерело быстро. Караван кушанской принцессы расположился на склоне холма по соседству с ручьем, стекающим по каменному ложу. Джаркын собрал всех коней у двух деревьев, привязав каждого к прочной ветке. Когда жеребцы остыли от дневного перехода, он напоил их, задал корму. Сам пристроился рядом на циновку, кем-то данную ему. И стеганный халат появился, словно сам собой.

Эта ночь обещала быть теплой и сытной. У костров, устроенных неподалеку, умелые повара готовили ужин. Аромат жареного мяса разлетался по округе, щекоча нос и возбуждая аппетит. Слышался веселый говор людей, предвкушающих скорый ужин. Что надо человеку в дороге? Хорошая обувь да сытная еда! Человек, как любой зверь, нуждается в еде. Нет ее, так и мысли только о ней. А как набил брюхо, так и жизнь краше! Ленивым становится человек, расслабленным после еды. Но это беспокоит его только в момент опасности. Тогда все довольство враз пропадает. Жизнь куда ценнее еды! Пусть голодным, но лучше идти по дороге, чем сытым, но лежать бездыханным в пыли. Джаркын давно это усвоил и потому не ослаблял внимания, хоть в животе и урчало, а нос сам собой ловил вкусные запахи. Что ж, повезло ему! Видно, Тенгри ведет его, и туда, куда нужно. Только плач девушки, то тихий, как стон, то громкий и берущий за душу, не давал покоя. Страдает, бедная, а у него за пазухой лежит избавление от страданий. Как быть? Разве кто поверит ему, оборванцу, что лягушка избавляет от хвори? Засмеют, а то и побьют. Но ведь не зря он здесь? Не зря Тенгри привел его в это ущелье как раз тогда, когда случилось такое несчастье?!

Не в силах больше молча сидеть и слушать плач, доносившийся из шатра принцессы, Джаркын встал. Пока ночь еще не поглотила весь свет, и только серая вуаль опускалась с неба все ниже и ниже, конюх мог разглядеть, что шатер,

где страдала несчастная, соткан из красной шелковой ткани, колыхающейся мягко натянутыми полотнищами на крепчающем вечернем ветру. «Снизу полог можно приподнять, – подумал Джаркын, – и тихо вползти внутрь. А там видно будет. Положу лягушку в изголовье и уползу назад. А потом? Как я потом ее заберу?.. А! Потом и решу, как!»

Оглядевшись вокруг, он запахнул халат, и кругом, будто идет в другую сторону, пошел к шатру принцессы. Пока он плутал, посматривая, не следит ли кто за ним, тьма сгустилась и ночь зажгла светильники в небе. Они горели ярко, но земле не доставалось их света. Разве что полюбоваться и все! Главного светоча ночи сегодня не было видно. Тенгри спал, утомившись от трудов своих. А человеку его сон оказался выгодным.

Подобравшись близко к шатру, Джаркын упал на землю. Он зашел с тылу. Стражники, стоявшие у входа, не заметили нового конюха, да и ухо вылавливало в общей суеде стойбища горестные стоны страдальцы, прерываемые монотонным бормотанием монаха, усердно молящего Просветленного о благополучии мира, частью которого является каждый человек – и принцесса тоже.

Джаркын подполз к шатру и приподнял полог. Узкие глаза посланца Тенгри сами собой сощурились до щелок от света, неожиданно ударившего по ним. Джаркын приткнул края полога к ушам, чтобы снаружи никто не обратил внимания на узкую полоску света, вдруг появившуюся у шатра прин-

цессы. Привыкнув к свету, исходившему от чадающих масляных светильников, приглядевшись, он увидел спину монаха, склонившегося к синей фигурке божества, безучастно прикрывшего глаза гладкими веками.

«Не видит и не слышит он тебя!» – решил Джаркын относительно Просветленного, который, как и положено, пребывал в нирване, нимало не проявляя внимания к терзаниям молодой женщины, лежавшей рядом на пышных подушках. Разве что аромат благовоний, медленными струйками поднимающийся к широким ноздрям божества, все же вернет его из божественной Шамбалы и обратит вселенское добро и любовь на страдалицу! На то и уповал монах, с губ которого монотонно слетали слова молитвы: «Тадьятха омммм беканзе беканзе...»⁹

Джаркын уже привык к свету и, забыв об опасности, разглядывал мраморное лицо девушки, обрамленное кольцами растрепавшихся кудрей. Но в отличие от кудрей хозяина каравана, девичьи были нежными и светлыми, впитывающими свет лампы, как пожухлые травы цвет зари на закате дня. На лбу принцессы лежал кусок желтого шелка с начертанными на нем письменами. Ниже виднелись поддерживающиеся упругие веки, густо обрамленные частоколом ресниц. Джаркын невольно залюбовался девушкой, но с ее губ вновь слетел стон, от которого сердце старика сжалось в груди. Служанка сидела вполоборота к Джаркыну и покачивалась ту-

⁹ Молитва Будде Здоровья.

да-сюда, не прекращая поглаживать руку госпожи, будто это могло принести ей облегчение. Она сочувствовала принцессе, понятное дело, но сейчас мешала. А как увидит чужую голову в шатре да в такой невозможной близости от царской дочери!

«Надо бы переползти подальше!» – решил Джаркын. Осторожно высунув голову назад, он пару раз перекатился и снова нырнул под полог. Прямо перед его глазами оказалась синяя шелковая подушка, на которой виднелась макушка принцессы. Просунув руку с лягушкой подальше к голове, Джаркын положил свою целительницу на подушку, пристраивая так, чтобы агатовое брюшко касалось затылка. Лягушка утонула в подушке, а Джаркыну показалось, будто она лапками обхватила голову принцессы и завела гортанную песню – тихонечко, но довольно. Мол, да, квак, сюда мне и надо!

Вдруг девушка-служанка встрепелась, приосанилась, вытянулась струной, вглядываясь в изголовье госпожи. Легкая ткань ее просторного платья натянулась на груди и вся фигура – тонкая, изгибистая – угадывалась под складками, прижатыми спереди двумя спиралями тяжелых кос. Не один мужчина залюбовался бы на такое! Но Джаркына как ветром сдуло! Не до девичьих прелестей ему! Другая забота привела его в этот шатер.

Свободный полог лег на примятую траву, а девушка решила, что ветер приподнял его. Она резво встала и выпорхнула наружу, намереваясь прижать колыхающуюся ткань

к земле, да покрепче. Но Джаркына уже и след простыл! Он вернулся к коням как раз в то время, когда распорядитель каравана послал за ним, приглашая на трапезу. Теперь оставалось только ждать и уповать на милость Тенгри и Умай. Не без помощи нежных ручек богини лягушка, бывшая в пору девичества красавицей, слетела с небес на землю! Ох, как многое меняют женщины в мире! Как ослепляют мужчин своей красотой и решают судьбы людей! Даже простые смертные, даже они!..

Первое приветствие дня – богу! Солнца ли, ветра и дождя, морей или вод земных, властителям земли, неба, душ людских – всем им, богам, всевышним, вседержителям, всеслышащим и всепонимающим каждая тварь на земле посылает первый привет дня!

Рыжий лис, высунув морду из норы, сожмурится на свет и радостно тьякнет – день пришел! Да здравствует он! Лягушка, выпрыгнув из камышей, выставит перепончатые лапки вперед, разгонит зеленую ряску и погрузится в светлую воду. Птицы расправят крылья, поднимут головы ввысь, раскроют клювы и запоют, каждая на свой лад. Человек – разум земной жизни! – еще до рассвета очистит тело и мысли от ночного греха и, воздев руки к небу, прославит имя бога, попросит хлеб насущный на сей день, пошлет свою мольбу о делах земных, реальных: о жизни и здоровье, о доме и очаге, о силе и мудрости.

Монах, закончив на рассвете молитвы о здоровье прин-

цессы, вышел из шатра приветствовать день. Еще не зная, исцелилась ли его царственная подопечная, он радовался тому, что она не мучается, что дыхание ее ровно, а щеки порозовели. От красного света шатра? Может быть, может быть... Но все же внутри, где-то в самом сердце он знал, он верил, как человек, получивший откровение, что его молитвы услышаны Великим Просветленным, и эта хрупкая девочка спасена!

Джаркын, словно огнепоклонник, обратил взгляд на розовеющий восток. Скоро поднимется светило! Слава Тенгри! Пусть другие приветствуют своих богов, а он точно знает: только Тенгри – Великий Небесный Вождь – дает благо достойному.

Всю ночь Джаркын прислушивался, стараясь уловить звуки, идущие от царского шатра. Так и уснул, уверенный, что его агатовая лягушка – дар Белого Творца! – спасет юную принцессу, как и его в свое время. Теперь бы забрать ее... но как? Лагерь ожил. Трудно подобраться к шатру незамеченным в свете рассветного утра. Разве что лошадь поискать, будто она туда убежала?..

Веки Тэхар затрепетали. Пребывая на границе сна и яви, ее душа тянулась к свету! Сквозь плотную ткань шатра он вливался красной рекой – плавной, тихой, но настойчивой. Тэхар открыла глаза. Свет просачивался через приоткрытые створки входа желтыми лучами. Они скользили по земле, освещали фигурку Просветленного, падали на спину спящей

рядом служанки.

Тэхар не спешила вставать. Слишком много мыслей собралось у нее в голове. Как разобраться с ними? Как понять, где явь, где сон? Она видела отца. Это было. И было давно. О! Как давно! Сердце защемило. Отец! Почему он не оставил ее во дворце, рядом с собой? Почему отправил в пугающую неизвестность? Почему согласился отдать свою единственную дочь в жены принцу неведомой Никшапайи? Слезы наполнили глаза. Тэхар прикрыла веки. Соленая влага каплями пробралась на густые ресницы. Слезинки дрожали, как роса на ветру, и, не выдержав напряжения, падали на щеки и скатывались в ложбинку у носа.

Тэхар прикусила губы. Нет, не надо плакать! Такова была воля отца! Она – принцесса! Отец рассчитывает на нее, он верит, что брак с принцем Никшапайи укрепит позиции Кушанского царства на западных рубежах, что царь Никшапайи встанет на защиту своей семьи, своей страны, если кочевники посягнут на владения кушан. Тэхар шумно перевела дух. Служанка дернулась, просыпаясь. Тэхар притворилась спящей. Не время еще для разговоров. Лучше снова окунуться в тот сон, в котором она вновь в своих покоях, сидит рядом с отцом, положив светлую головку ему на колени...

– Дочка, я рассказал тебе все, как есть, без утайки. Ты знаешь, как тяжело мне расставаться с тобой. Я люблю тебя, дитя, и... ты так похожа на свою мать...

Канишка погладил головку дочери. Те же светлые волосы,

то же сладкое дыхание...

– Тэхар.

– Да, отец?

Она приподнялась. Взгляд светлых зеленых глаз был так искренне-нежен, что царь не сдержал порыва и прикоснулся губами ко лбу дочери. Золотой венец сдвинулся к макушке. Тэхар выпрямилась, поправила его. Красива! Нежна! Говорят, что сын царя Никшапайи хорош собой и добр...

– Дочка, я хочу, чтобы ты взяла это и носила всегда.

Он достал из-за пазухи маленького золотого ежа. Это был амулет матери. Тэхар помнила его!

Сияющий перламутром, сверкающий золотой острой конечной мордочкой, украшенный зеленоватой бирюзой и красным агатом, амулет привлекал к себе все взоры. Он покоился в ложбинке на груди, над треугольником выреза платья, и хранил свою царственную хозяйку от завистливых глаз, как солнце, ослепляя божественным светом. Никто не может смотреть на огненный шар светила прямо. Даже, прикрыв глаза ладонью! Золотой еж отводил взгляды от лица царицы, приковывая их к себе. Он поглощал порочные мысли подобно глубинам древних морей, память о которых хранила в своих недрах маленькая раковина – совершенное творение природы! – невесть где найденная мастером, создавшим это поистине чудесное украшение!

Тэхар взяла ежа и положила на раскрытую ладонь. Теплым брюшком он прикрыл линии судьбы, и принцесса по-

чувствовала защиту высших сил.

– Такой маленький, а такой сильный! – воскликнула она, нежно погладив перламутровую спинку пальчиком.

По отполированным бирюзовым камушкам, вставленным в золотые круглые выемки, пробежала волна света. Принцесса звонко рассмеялась.

– Он пригладил свои острые иголки! А ушки, смотри, отец, ушки у него покраснели!

Агаты вобрали в себя свет и показали чарующую глубину камня.

– Еж нашел свою хозяйку, – любуясь дочерью, ответил Ка-нишка. – Носи его всегда. Еж разгоняет порождения тьмы, дарует силу власти, уверенность. Ты будешь царицей, как и твоя мать! Амулет защитит тебя от неверного шага, и поможет найти верный путь к процветанию и обновлению.

Как хотелось отцу верить в то, что он говорил! Но тревога не оставляла его сердца. Непокойно было на дальних границах империи.

– Тэхар, запомни: если тебе будет тяжело, если ты ока-жешься одна или случится нечто страшное, что испугает те-бя, всеми путями иди сюда – в свой дом! Пошли весть, и я найду тебя, встречу, освобожу...

Тэхар отвлеклась от ежа. Ее непонимающий взор изменил выражение лица. Радость от новой игрушки еще светилась на нем, но пугающие слова отца легли тенями под вырази-тельными глазами, вокруг тонких, нежных губ.

Царь пожалел, что поделился с дочерью своими опасениями. Он поспешил успокоить ее:

– Это я так, волнуюсь за тебя. Ведь еще ни разу ты не покидала дом! А тебе не о чем беспокоиться! С тобой рядом будет твой верный страж – Харбалан со своими воинами.

Брови Тэхар сошлись у переносицы, губы сжались в недовольстве.

– Харбалан! Отец, я не хочу, чтобы он сопровождал меня. Он так на меня смотрит...

Тэхар передернула плечиками.

Канишка мягко улыбнулся.

– Он смотрит как и я! Дочка, надежнее Харбалана нет никого в нашем дворце!

– Нет, ты не так смотришь! В твоих глазах я вижу любовь! А взгляд этого... мужлана меня пугает. Да и смотрит он украдкой! Как вор! Стоит только мне взглянуть на него, как он сразу отворачивается!

Царь понимающе вздохнул. Глупенькая еще его девочка! Да, Харбалан уже не молод, но и в его сердце поселилась любовь к принцессе. Как можно не любить такое прекрасное дитя!

– Тебе не нужно с ним общаться, если ты того не хочешь. Но он будет беречь тебя, даже не сомневайся! Я ему доверяю.

Царь встал, собираясь покинуть покои дочери. Но задержался еще.

– Можешь взять с собой Вангьяла.

Тэхар обрадовалась.

– Учителя?!

Царь в который раз подивился на легкость смены настроения дочери. Ласково кивнув ей, он ушел. Предстояло еще готовить караван! Надо поговорить с Харбаламом, да и с монахом тоже. Посольство Кушанского царя должно быть на высоте! Безопасность и здоровье его девочки – самое главное! Но и дары царю Никшапайи должны быть богатыми и значимыми!

Брюшко ежа согревало грудь. Тэхар, все еще пребывая в грезах, нащупала амулет и поводила пальчиками по извилистой раковине. Служанка заметила движение и под села ближе.

– Госпожа...

Тихий, вкрадчивый голос пробрался в уходящий сон. Отец удалялся из покоев и из реальности, а еж покалывал ладошку бирюзовыми иголочками. Тэхар вздохнула нарочито протяжно и с улыбкой распахнула глаза.

– Дай воды! Пить так хочется, – приподнимаясь с подушек, попросила она.

Длинные волосы покрыли спину. Тэхар показалось, будто кто-то придержал несколько прядей, а потом отпустил. Пока служанка бегала за водой в другой конец шатра, Тэхар пошарила за подушкой и вдруг нащупала камень.

– Что это? – отдергивая руку, воскликнула она.

Служанка метнулась назад. Часть воды выплеснулась

из керамической чаши на одеяло. Не зная, что делать, служанка остановилась, испуганно глядя на свою госпожу.

– Очнись, Биришим! Дай чашу и посмотри, что за камень лежит у меня за подушкой!

Служанка выполнила приказание и, упав на колени у изголовья постели, пошарила за подушкой. Тэхар только пригубила чашу, как Биришим с воплем отпрянула назад, сжимая в руке красноватый камень. От неожиданности принцесса дернулась, и вода выплеснулась ей в лицо. За шатром заржал конь, послышалось движение. Стража влетела на крик. Тэхар, указывая вытянутой рукой на выход, рассерженным голосом выпроводила их назад, приказав проверить, что происходит за шатром, и оглянулась на служанку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.